

РИК РИОРДАН

ПЕРСИ ДЖЕКСОН
и ПРОКЛЯТИЕ ТИТАНА

Annotation

После того как Перси Джексон вступает в схватку с могущественным чудовищем-мантикорой, несчастья начинают сыпаться на юношу как из рога изобилия. Монстр похищает подругу Перси — Аннабет. Согласно пророчеству Дельфийского оракула, Аннабет будет спасена, но двое из отважной пятерки, отправившейся на ее поиски, погибнут. И, похоже, зловещему обещанию оракула суждено сбыться, ведь в пути Перси Джексона и его друзей поджидают невыносимые опасности. Но самое страшное испытание ждет их на горе Отрис, охраняемой стоглавым драконом, где даже боги попадают в беду...

Рик Риордан

Перси Джексон и проклятие титана

Rick Riordan

PERCY JACKSON AND THE OLYMPIANS: THE TITAN'S CURSE (VOL.3)

© 2007 by Rick Riordan.

All rights reserved

Permission for this edition was arranged through the Nancy Galt Literary Agency

© Хромова А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Спасательная операция летит кувыркком

В пятницу, накануне зимних каникул, мама собрала мне рюкзачок с вещами и кое-какое смертельное оружие и повезла меня в очередной интернат. По дороге мы подобрали моих друзей, Аннабет и Талию.

От Нью-Йорка до Бар-Харбора в штате Мэн восемь часов езды. На шоссе хлестал снег с дождем. Мы с Аннабет и Талией не виделись уже несколько месяцев, но из-за снегопада и размышлений о том, что нам предстоит сделать, мы так нервничали, что разговаривать особо не тянуло. Никого, кроме мамы. Она, когда нервничает, болтает еще больше обычного. К тому времени, как мы, наконец, добрались до Вестовер-Холла, уже почти стемнело и мамочка успела пересказать Аннабет и Талии абсолютно все позорные истории из моего детства.

Талия протерла запотевшее окно и выглянула наружу:

— О да! Тут будет весело.

Вестовер-Холл выглядел как замок злого рыцаря. Сплошной черный камень, башенки, окна-бойницы и высокие двустворчатые деревянные двери. Стоял он на заснеженном утесе, который одной стороной смотрел на большой заснеженный лес, а с другой стороны шумел серый океан.

— Вас точно подождать не надо? — спросила мама.

— Нет, мам, спасибо, — сказал я. — Я же не знаю, сколько времени это займет. С нами все будет нормально!

— Но как же вы обратно-то вернетесь? Я беспокоюсь, Перси.

Надеюсь, я не покраснел. Хватит и того, что я такой маменькин сынок, что меня на битвы мамочка возит.

— Все в порядке, госпожа Джексон. — Аннабет ободряюще улыбнулась. Ее белокурые волосы были спрятаны под лыжную шапочку, а серые глаза были того же цвета, что и бушующее море. — Мы за ним присмотрим!

Мама, похоже, чуть-чуть расслабилась. Она считает Аннабет самой надежной и уравновешенной из полубогов, что когда-либо доживали до восьмого класса. Она уверена, что если я до сих пор жив, то только благодаря Аннабет. Она права, но это не значит, что мне это нравится.

— Ну хорошо, дорогие мои, — сказала мама. — Все взяли, что надо?

— Да, госпожа Джексон, — сказала Талия. — Спасибо, что подвезли.

— Запасные свитера не забыли? Номер моего мобильного у вас есть?

— Ну, мам!..

— Амброзию и нектар взял, Перси? А золотую драхму, на случай, если понадобится связаться с лагерем?

— Мам, серьезно! Нормально все будет! Пошли, ребята!

Она, похоже, слегка обиделась, и мне сделалось стыдно, но я уже готов был выскочить из этой машины на ходу. Если мама еще раз заговорит о том, какой хорошенький я был в ванночке в три годика, я точно нырну в снег и замерзну насмерть!

Аннабет с Талией вылезли из машины следом за мной. Ветер продувал куртку насквозь, точно ледяные кинжалы.

Когда мамина машина скрылась из виду, Талия сказала:

— Славная у тебя мама, Перси.

— Ну да, она хорошая, — согласился я. — А твоя? Ты со своей мамой видишься?

Едва я это сказал, как тут же пожалел об этом. Талия большой специалист по части злобных взглядов. С ее панковским прикидом, как она всегда ходит: в драной армейской куртке, черных кожаных штанах и вся в цепях, с пронзительно-синими глазами с черной подводкой, — смотрится особенно убедительно. Но злобный взгляд, который она бросила на меня сейчас, тянул на все десять баллов:

— Не твое собачье дело, Перси!

— Пошли-ка лучше внутрь, — перебила нас Аннабет. — Гроувер, наверно, уже ждет.

Талия взглянула на замок и передернула плечами:

— Да, верно. Интересно, что он там такого нашел, что отправил экстренный вызов?

Я посмотрел на темные башни Вестовер-Холла.

— Ничего хорошего, — предположил я.

Дубовые двери распахнулись со скрипом, и мы втроем шагнули в холл вместе с порывом вьюги.

Все, что я мог сказать, было «Ух ты-и!».

Холл был громадный. Стены увешаны боевыми знаменами и оружием: старинными винтовками, боевыми топорами и всем таким прочим. Нет, в смысле, я знаю, что Вестовер — военное училище и все такое, но все равно эта выставка смотрелась как-то уж чересчур воинственно.

Рука сама потянулась к карману, где я ношу свою боевую шариковую ручку, Стремнину. Я уже почуял, что тут что-то неладно. Тут разило опасностью. Талия поглаживала серебряный браслет, свой любимый магический предмет. Я знал, что мы думаем об одном и том же. Нас ждала битва.

— Хотелось бы знать, где... — начала было Аннабет.

Двери захлопнулись у нас за спиной.

— Ла-адненько... — пробормотал я. — Пожалуй, мы тут немного задержимся...

С другого конца холла доносились отзвуки музыки. Музыка, похоже, была танцевальная.

Мы спрятали свои рюкзаки за колонной и двинулись вперед через холл. Далеко мы уйти не успели: послышались шаги, и из теней вышли мужчина и женщина, которые преградили нам путь.

У обоих были коротко подстриженные седые волосы, оба в черной форме с красным кантом военного образца. У тетки были жиденькие усики, а дядька, наоборот, был чисто выбрит, что показалось мне довольно странным. Оба держались так напряженно, как будто у них к спине метла прикручена.

— Ну? — осведомилась тетка. — И что вы тут делаете?

— Хм...

Я осознал, что на это я не рассчитывал. Я был так поглощен тем, чтобы добраться до Гроувера и выяснить, в чем дело, что даже и не подумал, как подозрительно выглядят трое детей, проникших в школу среди ночи. О том, как мы попадем внутрь, в машине разговору не было.

— Мэм, — сказал я, — мы просто...

— Ха! — рявкнул дядька — я аж вздрогнул. — Посетители на балъ не допускаются! Вас виставят вон!

Дядька говорил с акцентом — французским, наверное. Он был высокий, с ястребиным лицом. Когда он говорил, ноздри у него раздувались, от этого было очень трудно не заглядывать ему в нос, и глаза у него были разноцветные: один карий, другой голубой, как у помоечной кошки.

Наверно, он собирался выкинуть нас в снег, но тут Талия выступила вперед и сделала нечто очень странное: она щелкнула пальцами. Щелчок вышел резкий и громкий. Может быть, мне просто померещилось, но я почувствовал, как из ее руки вырвался порыв ветра. Ветер пролетел по залу, и знамена на стенах заполоскались.

— Мы же не посетители, сэр, — сказала Талия. — Мы здесь учимся. Как же вы не помните: я — Талия. А это Аннабет и Перси. Мы из восьмого класса.

Учитель сощурил свои разноцветные глаза. Я не понимал, на что рассчитывает Талия. Вполне возможно, нас все равно выкинут в снег, только нам еще влетит за вранье. Но мужик как будто заколебался. Он посмотрел на коллегу:

— Госпожа Элмел, вы знаете этих учеников?

Несмотря на грозящую нам опасность, мне пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться. Учительница по фамилии «Ел мел»? Шутит он, что ли?

Женщина моргнула, как будто выходя из транса:

— Я... да, кажется, знаю, сэр.

Она нахмурившись посмотрела на нас:

— Аннабет. Талия. Перси. Вы почему не в спортзале?

Мы не успели ответить — снова послышались шаги, и в холл влетел запыхавшийся Гроувер:

— У вас получилось! Вы все-таки при...

Он увидел учителей и запнулся на полуслове.

— Ой, миссис Элмел, доктор Терн! Я... э-э...

— В чем дело, мистер Ундервуд? — осведомился дядька. Судя по его тону, Гроувера он на дух не переносил. — Что именно у них «получилось»?

Гроувер сглотнул:

— Э-э... да, сэр. Ничего, доктор Терн. Я просто имел в виду, что они при... приготовили пунш для бала. И у них очень хорошо получилось.

Доктор Терн уставился на нас. Я решил, что один глаз у него, наверное, искусственный. Интересно, который? Голубой или карий? Вид у него был такой, как будто ему хочется сбросить нас с самой высокой башни замка, но миссис Элмел сонно сказала:

— Да-да, пунш превосходный. Ну, бегите, бегите! И больше не выходите из спортзала.

Дважды ей повторять не пришлось. Мы смылись оттуда, приговаривая «Да, мэм!» и «Да, сэр!» и пару раз отдав честь, потому что это выглядело уместным.

Гроувер потащил нас через холл туда, откуда слышалась музыка.

Я чувствовал, как учителя смотрят мне в спину, но все же подошел поближе к Талии и вполголоса спросил:

— А что это было, вот когда ты пальцами щелкнула?

— Это ты про Туман? А что, разве Хирон тебя этому еще не научил?

В горле у меня встал неприятный комок. Хирон был нашим главным наставником в лагере, но меня он никогда ничему подобному не учил. Почему Талии он это показал, а мне нет?

Гроувер привел нас к двери, где на стекле было написано «СПОРТЗАЛ». Такими

крупными буквами, что даже я со своей дислексией разобрал.

— Чудом прорвались! — сказал Гроувер. — Хвала богам, что вы приехали!

Аннабет с Талией обняли Гроувера. Я стукнулся с ним ладонями. Я был рад встрече — мы столько месяцев не виделись! Гроувер немного вытянулся, и бакенбарды у него отросли чуть погуще, но в остальном он выглядел точно так же, как всегда, когда прикидывался человеком: на кудрявых каштановых волосах — красная шапочка, скрывающая козлиные рожки, мешковатые джинсы и кроссовки с фальшивыми ступнями, под которыми он прятал свои мохнатые ноги и копыта. На Гроувере была черная футболка с надписью, которую я разобрал, хоть и не сразу. Там было написано: «ВЕСТОВЕР-ХОЛЛ: ПЕХТУРА». Что это значит — я не понял. Может, ранг Гроувера, а может, девиз школы...

— Так что за срочное дело? — спросил я.

Гроувер перевел дух.

— Я нашел двоих.

— Двоих полукровок? — изумленно переспросила Талия. — Здесь?

Гроувер кивнул.

Найти одного полукровку и то большая редкость. В этом году Хирон разослал сатиров по всей стране со срочным заданием: проверить школьников с четвертого класса до старшеклассников, не найдется ли среди них свежих новобранцев. Времена настали отчаянные. Мы теряли ребят одного за другим. Мы нуждались во всех новых воинах, каких только сумеем найти. Проблема в том, что полубогов вообще не так много.

— Брат с сестрой, — сказал Гроувер. — Ему десять, ей двенадцать. Не знаю, чьи они, но очень могущественные. Но времени в обрез. Мне нужна помощь.

— Чудовища?

— Один. — Гроувер заметно нервничал. — Он что-то подозревает. Не думаю, что он уже знает наверняка, но сегодня последний день перед каникулами. Я уверен, он их не выпустит из школы, не выяснив, что к чему. Может быть, это наш последний шанс! Каждый раз, как я пытаюсь к ним подобраться, он тут как тут и преграждает мне путь. Не знаю, что и делать!

Гроувер умоляюще уставился на Талию. Я постарался не расстраиваться из-за этого. Бывало, Гроувер обращался с такими вопросами ко мне, но сейчас старшей была Талия. И не только потому, что у нее папа — Зевс. У Талии было больше опыта борьбы с чудовищами в реальном мире, чем у любого из нас.

— Так, — сказала она. — Эти полукровки сейчас на балу?

Гроувер кивнул.

— Ну так пошли на бал, — сказала Талия. — А кто здесь чудовище?

— А! — сказал Гроувер и опасливо огляделся. — Вы с ним только что разговаривали. Это завуч, доктор Терн.

Что удивительно в этих военных училищах: ребята просто с катушек слетают каждый раз, когда им по какому-нибудь особому поводу разрешают не носить форму. Наверно, это потому, что в остальное время они ходят по струночке, вот они и стараются оттянуться.

По всему полу спортзала были раскиданы красные и черные воздушные шарик, и ребята пинали их друг другу в лицо или пытались удушить друг друга креповыми бумажными лентами, развешанными по стенам. Девчонки расхаживали в обнимку — ну, как всегда, — все накрашенные, в маечках на тоненьких лямках, ярких штанах и туфлях, которые выглядели как орудия пытки. Время от времени они окружали какого-нибудь бедолагу и накидывались

на него, как стая пираний, с визгом и хохотом. Когда они, наконец, удирали прочь, парень оставался с ленточками в волосах и с физиономией, расписанной губной помадой. Некоторые из ребят постарше выглядели как я: им было явно неуютно, они жались по углам зала и старались спрятаться, как будто им вот-вот придется сражаться не на жизнь, а на смерть. В моем случае так оно и было...

— Вон они! — Гроувер кивнул в сторону двух ребят помладше, которые о чем-то спорили, сидя на трибуне. — Бьянка и Нико ди Анджело.

На девочке была мешковатая зеленая шапка, как будто она пыталась спрятать лицо. Парнишка явно был ее младшим братом. У обоих были черные шелковистые волосы и оливковая кожа, и оба сильно жестикулировали, когда разговаривали. Мальчик перебирал какие-то карточки. Сестра его, похоже, за что-то бранила. И оглядывалась по сторонам, как будто чужая неладное.

Аннабет спросила:

— А они в курсе... в смысле, ты им сказал?

Гроувер покачал головой:

— Ну, ты же знаешь. Это могло бы подвергнуть их еще большей опасности. Как только они понимают, кто они такие, их запах усиливается.

Он взглянул на меня, и я кивнул. Я не мог себе представить, чем «пахнут» полукровки, с точки зрения чудовищ и сатиров, но знал, что этот запах может тебя погубить. И чем могущественней становится полубог, тем аппетитней он пахнет для чудовища.

— Тогда хватаем их и сваливаем отсюда, — сказал я.

Я шагнул было вперед, но Талия положила руку мне на плечо. Завуч, доктор Терн, появился из двери рядом с трибунами и теперь стоял рядом с братом и сестрой ди Анджело. Он холодно кивнул в нашу сторону. Его голубой глаз как будто светился.

Судя по выражению его лица, Туман, который напустила Талия, Терна, похоже, ничуть не обманул. Он подозревал, кто мы такие. И просто выжидал, чтобы выяснить, зачем мы здесь.

— Не смотрите на детей! — приказала Талия. — Нужно дождаться, пока представится случай их увести. Надо сделать вид, что они нас вообще не интересуют. Сбить его со следа.

— А как?

— Нас трое могущественных полукровок. Наше присутствие должно сбить его с толку. Смешайтесь с толпой. Ведите себя естественно. Танцуйте. Но приглядывайте за ребятами.

— Танцевать? — переспросила Аннабет.

Талия кивнула. Прислушалась к музыке и скривилась:

— Фу-у! Кто поставил Джесси Маккартни?

Гроувер, похоже, обиделся:

— Я, а что?

— О боги, Гроувер! Нашел чего поставить. Не мог, что ли, взять «Green Day» или еще какой-нибудь панк?

— Чего-чего?

— Ладно, забей. Пошли танцевать.

— Я не умею!

— Ничего, я буду вести, — сказала Талия. — Пошли, козлик!

Гроувер взвыл: Талия ухватила его за руку и вытащила на танцпол.

Аннабет улыбнулась.

— Чего? — спросил я.

— Ничего. Просто здорово, что Талия вернулась.

За прошлое лето Аннабет вымахала выше меня. Меня это несколько напрягло. Раньше она не носила никаких украшений, кроме своего ожерелья из лагеря полукровок, а теперь на ней были серебряные сережки в виде сов — символа ее матери, Афины. Она стянула с головы лыжную шапочку, и светлые кудри рассыпались у нее по плечам. Почему-то от этого она сделалась старше.

— Ну, это...

Я попытался придумать, что бы такое сказать. Талия велела вести себя естественно. А если ты полукровка, выполняющий опасное задание, естественно — это как?

— Спроектировала в последнее время что-нибудь интересное?

Глаза у Аннабет вспыхнули, как всегда, когда речь заходила об архитектуре.

— О боги, Перси! Там, в моей новой школе, преподают элективный курс трехмерного дизайна! И еще там на компах стоит такая крутая программа...

И она принялась рассказывать, как спроектировала громадный монумент для места теракта 11 сентября на Манхэттене. Она толковала об опорных элементах конструкции, о фасадах, обо всем таком. Я честно старался слушать. Я знал, что она мечтает стать суперархитектором, когда вырастет, — она обожает математику, исторические здания и так далее, — но из того, что она говорила, я не понимал почти ни слова.

По правде говоря, я был вроде как разочарован, узнав, что ей так нравится в новой школе. Она впервые пошла в школу в Нью-Йорке. Я надеялся видеться с нею почаще. Это был пансион в Бруклине, они с Талией ходили туда вдвоем. Это было достаточно близко от лагеря полукровок, так что Хирон мог им помочь, если что. Школа была только для девочек, а я учился в средней школе номер 54 на Манхэттене, так что я с ними почти не виделся.

— Ага, ну да, круто, — сказал я. — Так ты там до конца года пробудешь, да?

Аннабет помрачнела:

— Ну да, может быть, если только не...

— Эй! — окликнула нас Талия. Она танцевала медленный танец в паре с Гроувером. Сатир спотыкался, пинал Талию в голени и выглядел так, словно мечтает умереть. Ну что ж, у него ноги фальшивые. Хоть какое-то оправдание его неуклюжести. У меня и того нет.

— Танцуйте, ребята! — потребовала Талия. — А то стоите там, как придурки!

Я нервно взглянул на Аннабет, потом на стайки девчонок, шныряющие по залу.

— Ну? — сказала Аннабет.

— А... а кого же мне пригласить?

Она ткнула меня в живот:

— Меня, рыбы мозги!

— А-а... Ага, ладно.

Мы вышли на танцпол, и я огляделся, чтобы выяснить, как дела у Талии с Гроувером. Я положил одну руку на бедро Аннабет, а она ухватила меня за вторую, как дзюдоист, собирающийся провести бросок.

— Не бойся, я тебя не укушу, — сказала она. — Seriously, Перси! Вас что, в школе танцам не учат, что ли?

Некоторое время мы неуклюже топтались по танцполу. Я пытался думать о всякой ерунде: о бумажных лентах, о миске с пуншем — о чем угодно, кроме того, что Аннабет выше

меня, а руки у меня потные и, наверно, очень грубые и я все время наступая ей на ноги.

— А о чем ты сейчас говорила? — спросил я. — У тебя неприятности в школе или типа того...

Она стиснула губы:

— Да не в школе, а с отцом.

— Ой-ой! — Я знал, что с отцом у нее отношения не фонтан. — А я думал, вы вроде как помирились... Это опять из-за мачехи?

Аннабет вздохнула:

— Он решил переехать. Стоило мне прижиться в Нью-Йорке, как он нашел эту дурацкую новую работу — исследования для книги о Первой мировой войне. В Сан-Франциско!

Она сказала это таким тоном, будто речь шла о Полях Наказаний или штанах Аида.

— И он хочет, чтобы ты переехала вместе с ним?

— На другой конец страны! — с несчастным видом сказала она. — А в Сан-Франциско полукровки вообще жить не могут! Можно подумать, он не знает.

— А что такое? Почему?

Аннабет закатила глаза. Кажется, она решила, что я придуриваюсь.

— Ну как же! Это же прямо там!

— А-а, — сказал я. Я понятия не имел, о чем она, но мне не хотелось выглядеть идиотом. — Так ты, значит, вернешься в лагерь, или что?

— Все куда серьезнее, Перси. Я... наверно, мне следует сказать тебе одну вещь.

И вдруг она застыла.

— Они исчезли!

— Что?

Я посмотрел туда же, куда и она. На трибуны. Двоих полукровок, Бьянки и Нико, там больше не было. Дверь рядом с трибунами была широко распахнута. И доктор Терн тоже исчез.

— Надо найти Талию и Гроувера! — Аннабет лихорадочно огляделась. — Куда же они утанцевали? Идем!

Она бросилась сквозь толпу. Я уже хотел было последовать за ней, но тут мне преградила путь толпа девчонок. Я обогнул их, чтобы не оказаться в лентах и помаде, и к тому времени, как я вырвался, Аннабет исчезла. Я развернулся на месте, разыскивая ее, Талию или Гроувера. Но вместо них я увидел то, от чего кровь у меня застыла в жилах.

Метрах в пятнадцати на полу спортзала валялась мешковатая зеленая шапка, совсем как та, что была на Бьянке ди Анджело. И рядом с ней — раскиданные карточки. А потом я мельком увидел доктора Терна. Он торопливо шагал к двери в противоположном конце зала, волоча ребят ди Анджело за шкурки, как котят.

Аннабет я по-прежнему не видел, но она сейчас наверняка пробивается в другую сторону, разыскивая Талию с Гроувером.

Я едва не бросился за ней, а потом подумал: «Постой-ка...»

Я вспомнил, что сказала мне Талия в холле, когда я ее спросил про этот трюк со щелчком: «Разве Хирон тебя этому еще не научил?» И про то, как Гроувер обернулся к ней, рассчитывая, что она все исправит.

Не то чтобы я ей завидовал или что. Талия классная. Она не виновата, что у нее отец Зевс, и все внимание достается ей... Но все-таки не стоит мне бегать к ней с каждой

проблемой. А потом, и времени нет. Ребятам ди Анджело грозит опасность. К тому времени, как я отыщу друзей, дети, возможно, уже исчезнут. А то я чудовищ не видел! Сам управлюсь.

Я выхватил из кармана Стремнину и бросился вслед за доктором Терном.

Дверь вела в темный коридор. Впереди послышалось шарканье ног, потом болезненное оханье. Я сорвал со Стремнины колпачок.

Ручка у меня в руках удлинилась, превратившись в бронзовый греческий меч около метра в длину, с обтянутой кожей рукоятью. Клинок чуть светился, отбрасывая золотистый отсвет на ряды шкафчиков.

Я трусцой припустился по коридору, но, когда я добежал до другого конца, там никого не было. Я отворил дверь и снова очутился в холле. Я был совершенно сбит с толку. Доктора Терна я нигде не видел, но на противоположном конце холла стояли брат и сестра ди Анджело. Они глядели прямо на меня, застыв от ужаса.

Я медленно пошел в их сторону, опустив меч к полу:

— Все нормально! Я вам ничего не сделаю.

Они не ответили. В глазах у них стоял страх. Да что с ними такое? И где доктор Терн? Может, почуял присутствие Стремнины и сбежал? Чудовища не выносят оружия из небесной бронзы.

— Меня зовут Перси, — сказал я, стараясь говорить ровным тоном. — Я заберу вас отсюда и помогу переправиться в безопасное место.

Глаза у Бьянки расширились. Она стиснула кулаки. Я только теперь — слишком поздно — осознал, почему она так смотрела. Она не меня боялась. Она пыталась меня предупредить!

Я развернулся и услышал свист. Плечо взорвалось болью. Как будто огромная рука толкнула меня назад и ударила о стену.

Я рубанул мечом — но рубить было некого.

По холлу раскатился холодный смех.

— Да, Персей Джексон! — сказал доктор Терн. Ударение в моей фамилии он сделал на последнем слоге. — Я знаю, кто ты такой!

Я попытался освободить плечо. Моя куртка и рубашка оказались пришилиены к стене каким-то штырем — черным, смахивающим на кинжал, метательным снарядом сантиметров тридцать длиной. Пробив одежду, он оцарапал мне кожу, и порез теперь жгло. Мне уже доводилось испытывать нечто подобное. Яд. Я заставил себя сосредоточиться. Нет, я не вырублюсь!

В нашу сторону теперь двигался черный силуэт. Доктор Терн вступил в полосу тусклого света. Он по-прежнему выглядел как человек, но лицо у него было упыриное. Блестели ровные белые зубы, свет моего меча отражался в разноцветных глазах.

— Спасибо, что вышел из спортзала, — сказал он. — Терпеть не могу школьных дискотек.

Я снова попытался дотянуться до него мечом, но он стоял вне досягаемости. Вжжих! Откуда-то из-за спины доктора Терна вылетел второй черный кинжал. А сам он как будто даже не шевельнулся. Как будто за спиной у него прятался кто-то другой, и он-то и метал ножи.

Рядом вскрикнула Бьянка. Второй шип вонзился в каменную стенку рядом с ней, буквально в сантиметре от ее лица.

— Вы, все трое, пойдете со мной, — сказал доктор Терн. — Тихо. Послушно. Если вы

издадите хоть один звук, попытаетесь позвать на помощь или оказать сопротивление, то узнаете, как метко я их метаяю.

Глава 2

Завуч с метательным орудием

Не знаю, что за чудовище был доктор Терн, но он был очень проворен.

Может, я бы и сумел защититься, если бы мог привести в действие щит. Достаточно было коснуться своих наручных часов. Но мне же еще надо было защитить ребят ди Анджело, а это другое дело... Я нуждался в помощи, и мне пришел в голову только один способ позвать друзей.

Я зажмурился.

— Ты что делаешь, Джексон? — прошипел доктор Терн. — А ну, живей!

Я открыл глаза и побрел дальше.

— Плечо... — простонал я, стараясь выглядеть как можно более жалким — мне это удавалось без труда. — Жжется!

— Ба! Ну да, мой яд причиняет боль. Это тебя не убьет. Вперед!

Терн выгнал нас наружу, и я постарался сосредоточиться. Я представил себе лицо Гроувера. Сфокусировался на страхе и опасности, которая мне грозила. Прошлым летом Гроувер создал между нами эмпатическую связь. Он посылал мне видения во сне, чтобы дать знать, что у него неприятности. Насколько я знал, связь действовала по-прежнему, но я еще никогда не пробовал связываться с Гроувером сам. Я даже не знал, подействует ли связь, пока Гроувер бодрствует.

«Эй, Гроувер! — думал я. — Терн пытается нас похитить! Это маньяк, швыряющийся отравленными шипами. На помощь!»

Терн погнал нас к лесу. Мы шли по занесенной снегом тропе, тускло освещенной старомодными фонарями. Плечо болело. Ветер, задувающий сквозь прореху на плече, был такой ледяной, что я чувствовал себя персиковым мороженым.

— Впереди поляна, — сказал Терн. — Мы призовем тех, кто вас увезет.

— Кто нас увезет? — осведомилась Бьянка. — Куда вы нас тащите?

— Молчать, несносная девчонка!

— Не смейте так разговаривать с моей сестрой! — сказал Нико. Голос у него дрожал, но то, что он осмелился хоть что-то сказать, — уже круто.

Доктор Терн издал рык, явно не человеческий. От этого звука волосы у меня встали дыбом, но я заставил себя идти дальше, изображая послушного маленького пленника.

И все это время я, как сумасшедший, передавал мысли, пытаясь хоть чем-то привлечь внимание Гроувера. «Гроувер! Яблоки! Жестяные банки! Тащи сюда свою мохнатую задницу и возьми с собой хорошо вооруженных друзей!»

— Стоп! — приказал Терн.

Лес кончился. Мы стояли на утесе над морем. По крайней мере, я чувствовал, что внизу море — в десятках метров под нами. Я слышал, как волны бьются о камни, до меня долетали холодные соленые брызги. Но я не видел ничего, кроме тумана и тьмы.

Доктор Терн подтолкнул нас к краю. Я споткнулся, Бьянка подхватила меня.

— Спасибо, — шепнул я.

— Кто это? — прошептала она. — Как с ним бороться?

— Я... я над этим работаю.

— Мне страшно... — пробормотал Нико. Он вертел в пальцах какую-то игрушку — маленького оловянного солдатика.

— Молчать! — приказал доктор Терн. — Смотреть на меня!

Мы развернулись к нему лицом.

Разноцветные глаза Терна алчно сверкали. Он что-то достал из-под пальто. Поначалу я подумал, что это выкидной нож, но это оказался всего-навсего мобильник. Терн нажал кнопку на боку и сказал:

— Груз к отправке готов.

В ответ что-то неразборчиво забормотали, и я понял, что Терн разговаривает в режиме рации. Как-то это чересчур современно, жутко даже — чудовище говорит по мобильнику.

Я оглянулся, прикидывая, высоко ли тут.

Доктор Терн расхохотался:

— Пожалуйста, пожалуйста, сын Посейдона! Прыгай! Там, внизу, море. Спасай свою шкуру!

— Как он тебя назвал? — шепнула Бьянка.

— Потом объясню, — сказал я.

— Но ты же знаешь, что делать, да?

«Гроувер! — в отчаянии подумал я. — Сюда!»

Может, мне удастся схватить обоих ребят и прыгнуть с ними в океан? Если мы переживем падение, я могу использовать воду, чтобы нас защитить. Я уже такое проделывал раньше. Если папа в хорошем настроении и услышит меня, он может помочь. А может и нет...

— Я убью вас прежде, чем вы долетите до воды, — сказал доктор Терн, словно прочитав мои мысли. — Ты еще не понял, кто я такой, да?

За спиной у него что-то мелькнуло, и еще один снаряд просвистел мимо, так близко, что зацепил мое ухо. За спиной у доктора Терна вскинулось нечто вроде катапульты, но более гибкое... нечто вроде хвоста.

— К сожалению, — сказал Терн, — вас велено доставить живыми, по возможности. Иначе бы ты был уже мертв.

— Но кому мы нужны? — осведомилась Бьянка. — Потому что если вы рассчитываете на выкуп, то вы ошиблись. У нас нет семьи. Мы с Нико... — Голос у нее слегка сорвался. — У нас нет никого, кроме друг друга.

— Пфе! — сказал доктор Терн. — Не волнуйтесь, щенки. Вы скоро познакомитесь с моим работодателем. Будет вам семья, новая, с иголки.

— Лука! — сказал я. — Вы работаете на Луку.

Когда я произнес имя своего старого врага — бывшего друга, который несколько раз пытался меня убить, — губы у доктора Терна скривились от отвращения:

— Персей Джексон, ты просто представления не имеешь о том, что происходит. Но пусть тебе все объяснит генераль. Сегодня ты окажешь ему большую услугу. Он ждет не дождется встречи с тобой.

— Генераль? — переспросил я и поймал себя на том, что сам начинаю говорить с французским акцентом. — В смысле... кто такой этот генерал?

Терн устремил взгляд к горизонту.

— Ах, вот и они! Ваш транспорт.

Я обернулся и увидел вдалеке свет — прожектор над морем. Потом я услышал рокот

вертолетных винтов.

— Куда вы нас везете? — спросил Нико.

— О, мой мальчик, тебе следует чувствовать себя польщенным! Тебе выпадет честь стать солдатом великой армии. Точно такой же, как в этой твоей дурацкой игре, в которую ты играешься карточками и куколками.

— Это не куколки! Это фигурки! А свою великую армию можете засунуть себе в...

— Цыц! — одернул его доктор Терн. — Ничего, мальчик мой, ты еще передумаешь и присоединишься к нам. Ну а если не передумаешь... что ж, полукровок можно использовать по-разному. Чудовищ у нас много, всех надо кормить. Начинается Великое Пробуждение!

— Что-что? — переспросил я. Мне надо было заставить его болтать, пока я пытаюсь придумать, что делать.

— Великое Пробуждение чудовищ! — Доктор Терн кровожадно усмехнулся: — Ныне пробуждаются самые ужасные из них, самые могущественные. Чудовища, которых никто не видел уже тысячи лет. Они будут сеять смерть и разрушения, подобных которым смертные доселе не ведали. И вскоре среди нас появится самое важное из чудовищ — то, благодаря кому будет повержена твердыня Олимпа!

— Понятненько, — шепнула мне Бьянка. — Он совсем двинутый.

— Нам придется прыгнуть с утеса, — тихо сказал я ей. — В море.

— Ух ты, клевая идея! Ты, значит, тоже двинутый.

Возразить ей я не успел, потому что в этот самый момент невидимая сила сшибла меня с ног.

Если так подумать, идея Аннабет была блестящей. Она надела свою кепку-невидимку и повалила нас с ребятами ди Анджело на землю. На долю секунды доктор Терн и впрямь растерялся, и его снаряды просвистели где-то у нас над головами, не причинив вреда. Это дало Талии и Гроуверу возможность напасть со спины. Талия использовала свой магический щит, Эгиду.

Если вы никогда не видели Талию в бою, вы не знаете, что такое подлинный ужас. Она сражается огромным копьем, которое получается из складного перцового баллончика, что она таскает в кармане. Но это не самое страшное. Ее щит изготовлен по образцу того, который носит ее отец, Зевс. Этот щит называется еще Эгидой. Это подарок Афины. На щит прикреплена голова горгоны Медузы, вплавленная в бронзу, и, хотя в камень она тебя и не обратит, все равно она так чудовищна, что большинство людей приходит в ужас и обращается в бегство от одного ее вида. Даже доктор Терн поморщился и зарычал, увидев этот щит.

Талия устремилась вперед со своим копьем:

— Во имя Зевса!

Я решил, что доктору Терну конец. Талия нанесла удар в голову, но он с рыком отбил копье. Его рука обернулась рыжей лапой, с огромными когтищами, от которых из щита Талии посыпались искры. Если бы не Эгида, Талию бы порезало на ломтики, как батон. А так ей удалось кувырнуться назад и приземлиться на ноги.

Рокот вертолета за спиной звучал все громче, но обернуться я не рисковал.

Доктор Терн выпустил в Талию еще один залп шипов, и на этот раз я увидел, как он это делает. У него был хвост: кожистый скорпионий хвост, на конце которого топорщились шипы. Эгида отразила шипы, но сила удара сбила Талию с ног.

Гроувер бросился вперед. Он вскинул свою тростниковую свирель и заиграл отчаянную джигу — должно быть, под нечто в этом духе плясали когда-то пираты. Из-под снега поперла

трава. Через несколько секунд толстые, как веревка, стебли опутали ноги доктора Терна.

Доктор Терн взревел и принялся менять облик. Он стал расти, пока не принял свое истинное обличье: лицо у него осталось человеческим, но тело стало телом огромного льва. Кожистый хвост метал убийственные шипы во все стороны.

— Мантикор! — воскликнула Аннабет, сделавшись видимой. Магическая кепочка с эмблемой «Янкиз» свалилась с нее, когда она налетела на нас.

— Народ, вы кто такие? — осведомилась Бьянка ди Анджело. — И что все это значит?

— Мантикор? — ахнул Нико. — У него же сила атаки три тысячи и плюс пять к дополнительным броскам!

Я не знал, о чем он толкует, и мне было не до того, чтобы это выяснять. Мантикор растерзал в ключья магическую свирель Гроувера и с рыком развернулся в нашу сторону.

— Ложись! — Аннабет вжала ребят в снег. Я в последний момент вспомнил про свой собственный щит. Я стукнул по своим наручным часам, и металлическая пластинка по спирали развернулась в толстый бронзовый щит. И как нельзя более вовремя. Шипы вонзились в него с такой силой, что на металле остались вмятины. Великолепный щит, подарок моего брата, был безнадежно испорчен. И я не был уверен, что он выдержит второй залп.

Я услышал удар, вскрик, и рядом со мной рухнул Гроувер.

— Сдавайтесь! — взревело чудовище.

— Ни за что! — вскричала Талия с другой стороны. Она атаковала чудовище, и на миг я подумал было, что она пронзит его копьем. Но тут раздался оглушительный рев, позади нас вспыхнул свет. Вертолет вынырнул из тумана и завис над самым утесом. Это была узкая черная боевая машина, и по бокам у нее висело нечто, что выглядело как ракеты с лазерным наведением. Вертолетом, должно быть, управляют смертные, но что они тут делают? Как могут смертные быть заодно с чудовищем? Прожектор ослепил Талию, и мантикор смёл ее своим хвостом. Ее щит отлетел и упал в снег. Копье полетело в противоположном направлении.

— Нет!

Я бросился вперед, чтобы ей помочь. Я успел отбить шип мантикора прежде, чем он пронзил ей грудь. Я заслонил нас обоих своим щитом, понимая, что надолго его не хватит.

Доктор Терн расхохотался:

— Теперь-то вы понимаете, как безнадежно ваше положение? Сдавайтесь, герошки!

Мы были зажаты между чудовищем и вертолетом с полным комплектом вооружения. Выхода не было.

И тут я услышал звонкий, пронзительный звук. Из леса донеслось пение охотничьего рога.

Мантикор застыл. Некоторое время никто не двигался. Слышен был только вой вьюги и рокот вертолета.

— Нет, — сказал доктор Терн. — Это не могут быть...

Его фраза оборвалась на полуслове: что-то мелькнуло мимо меня, подобно лунному лучу. В плечо доктору Терну впиалась светящаяся серебряная стрела.

Он отшатнулся и взвыл от боли.

— Будьте вы прокляты! — заорал доктор Терн. Он выпустил сразу несколько десятков шипов в лес, откуда вылетела стрела, но навстречу столь же стремительно полетели новые серебряные стрелы. Казалось, будто стрелы сталкивались с шипами в воздухе и рассекали их

пополам, но мне, наверное, почудилось. Никто не способен стрелять так метко, даже дети Аполлона у нас в лагере.

Мантикор, взвывая от боли, вырвал стрелу из плеча. Он тяжело дышал. Я попытался дотянуться до него мечом, но он не так сильно пострадал, как казалось. Он увернулся от атаки и ударил хвостом по щиту, отшвырнув меня в сторону.

И тут из леса появились лучницы. Девочки, человек двенадцать. Самой младшей было лет десять. Самой старшей — лет четырнадцать, как и мне. Они были в серебристых лыжных курточках и джинсах и все с луками. Они наступали на мантикора, и лица у них были решительные.

— Охотницы! — воскликнула Аннабет.

— Ну, замечательно! — буркнула Талия рядом со мной.

Спросить, что она имеет в виду, я не успел.

Одна из лучниц постарше выступила вперед, натянув лук. Она была высокая, грациозная, меднокожая. В отличие от остальных девушек, в ее длинных черных волосах блестел серебряный обруч, так что она выглядела как какая-нибудь персидская царевна.

— Дозволь убить добычу, госпожа!

К кому она обращается, я не понял, потому что девочка не сводила глаз с мантикора.

Чудовище взвыло:

— Так нечестно! Прямое вмешательство! Это противоречит Древним Законам!

— Отнюдь, — возразила другая девочка. Эта была чуть помоложе меня — лет двенадцати или, может, тринадцати. У нее были каштановые волосы, собранные в хвост, и странные глаза, серебристо-желтые, как луна. Лицо у нее было такое красивое, что у меня дыхание перехватило, но выражение лица — суровое и грозное. — Охота на всех диких зверей — мое право. А ты, гнусная тварь, не что иное, как дикий зверь.

Она взглянула на девочку постарше, с обручем в волосах:

— Дозволяю, Зоя.

— Если я не сумею заполучить их живыми, я получу их мертвыми! — зарычал мантикор.

И бросился на нас с Талией, зная, что мы слабы и оглушены.

— Нет! — вскричала Аннабет и кинулась на чудовище.

— Назад, полукровка! — воскликнула девочка с обручем. — Не лезь под выстрел!

Но Аннабет прыгнула чудовищу на спину и вонзила свой кинжал ему в гриву. Мантикор взвыл и завертелся на месте, размахивая хвостом. Аннабет вцепилась в него намертво.

— Стреляйте! — приказала Зоя.

— Не-ет! — заорал я.

Но Охотницы уже выпустили свои стрелы. Первая попала мантикору в шею. Вторая впиалась в грудь. Мантикор отшатнулся и взвыл:

— Мы еще встретимся, Охотница! Ты за это заплатишь!

И прежде чем кто-нибудь успел что-то предпринять, чудовище вместе с оседлавшей его Аннабет спрыгнуло с утеса и кубарем полетело во тьму.

— Аннабет! — завопил я.

Я бросился было следом за ней, но наши враги не спешили отступать. С вертолета слышались сухие щелчки выстрелов. Большинство Охотниц рассеялись, когда в снегу у их ног появились крохотные дырочки, но девочка с каштановыми волосами спокойно подняла взгляд на вертолет.

— Смертным не дозволено видеть мою охоту! — объявила она.

Девочка вскинула руку, и вертолет разлетелся в пыль... Нет, не в пыль — черный металл обернулся стаей птиц: воронов, которые улетели в ночь.

Охотницы приблизились к нам.

Та, которую звали Зоей, остановилась как вкопанная, увидев Талию.

— Ты! — с отвращением воскликнула она.

— Зоя Ночная Тень! — Голос у Талии дрожал от ярости. — Ты, как всегда, вовремя!

Зоя окинула взглядом нас, остальных.

— Четверо полукровок и сатир, госпожа.

— Да, — сказала девочка помладше. — Я вижу, тут дети из лагеря Хирона.

— Аннабет! — вскричал я. — Дайте нам ее спасти!

Девочка с каштановыми волосами обернулась ко мне:

— Прости, Перси Джексон, но твоей подруге уже не помочь.

Я попытался подняться на ноги, но две девочки меня удержали.

— Ты сейчас не в том состоянии, чтобы бросаться с утеса, — сказала девочка с каштановыми волосами.

— А ну пустите! — потребовал я. — Вы кто, вообще, такие?!

Зоя шагнула вперед, словно собиралась отвесить мне пощечину.

— Нет, — приказала другая девочка. — Я не вижу тут непочтительности, Зоя. Он просто расстроен. И ничего не понимает.

Девочка помладше взглянула на меня. Глаза у нее были холодней и ярче зимней луны.

— Я Артемида, — сказала она. — Богиня охоты.

Глава 3

Бьянка ди Анджело делает выбор

Я видел, как доктор Терн обернулся чудовищем и бросился в пропасть вместе с Аннабет. Казалось бы, больше меня ничем не удивишь. Но когда двенадцатилетняя девчонка заявила, что она — богиня Артемида, я не нашелся сказать ничего умнее, чем:

— А-а... ну, ладно.

Это было ничто по сравнению с Гроувером. Он ахнул, потом поспешно плюхнулся на колени в снег и залопотал:

— Спасибо, владычица Артемида! Ты такая... такая... ах!

— Вставай, козлик! — рявкнула Талия. — У нас других забот хватает. Аннабет пропала!

— Ух ты! — сказала Бьянка ди Анджело. — А ну постойте! Тайм-аут!

Все посмотрели на нее. Бьянка по очереди указывала пальцем на всех нас, как будто пыталась соединить точки.

— Народ, вы... вы кто, вообще?

Лицо Артемиды смягчилось:

— Милая девочка, лучше было бы спросить, кто такие вы? Кто ваши родители?

Бьянка нервно оглянулась на брата. Тот как замороженный пялился на Артемиду.

— Наши родители умерли, — сказала Бьянка. — Мы сироты. Они оставили банковский вклад, за счет которого оплачивается наше обучение в школе, но...

Она умолкла. Наверно, поняла по выражению наших лиц, что мы ей не верим.

— В чем дело? — осведомилась она. — Я правду говорю!

— Ты — полукровка, — сказала Зоя Ночная Тень. Выговор у нее был какой-то странный. Старомодный, как будто она читала по старой-престарой книге. — Один из твоих родителей был смертным. Второй — олимпийцем.

— Олимпийцем... Спортсменом, что ли?

— Нет, — сказала Зоя. — Одним из богов.

— Круто! — сказал Нико.

— Нет! — Голос у Бьянки дрогнул. — Ничего крутого тут нет!

Нико запрыгал, как будто в туалет хотел.

— А у Зевса правда есть молнии, наносящие пятьсот очков урона? А правда, что он получает дополнительные очки передвижения за...

— Нико, заткнись! — Бьянка закрыла лицо руками. — Это не твои дурацкие игры в «Мифы и магию», понял? Богов не бывает!

Как я ни тревожился из-за Аннабет — я хотел только одного, отправиться ее искать, — мне все равно поневоле сделалось жалко этих ребят. Я вспомнил, каково мне самому было узнать, что я — полубог.

Талия, должно быть, чувствовала нечто в том же роде, потому что ярость в ее глазах несколько поулеглась.

— Бьянка, я понимаю, в это трудно поверить. Но боги по-прежнему рядом с нами. Поверь мне. Боги бессмертны. И когда у них рождаются дети от обычных смертных, такие дети, как мы, то... В общем, жизнь у нас опасная.

— Опасная, — сказала Бьянка, — как у той девочки, которая упала вниз!

Талия отвернулась. И даже Артемиде вроде как стало не по себе.

— Не отчаивайся из-за Аннабет, — сказала богиня. — Она была отважной девой. Если ее возможно отыскать, я ее найду.

— Тогда почему же ты не даешь нам отправиться на поиски? — спросил я.

— Ее больше нет. Разве ты сам не чувствуешь, сын Посейдона? Тут задействована какая-то магия. Не знаю точно, как и почему, но ваша подруга исчезла.

Мне по-прежнему хотелось спрыгнуть с утеса, чтобы найти Аннабет, но я чувствовал, что Артемиды права. Аннабет исчезла. Я подумал, что, если бы она была там, внизу, в море, я ощущал бы ее присутствие.

— Эй! — Нико поднял руку. — А что с доктором Терном? Вы его так потрясно расстреляли! Он умер, да?

— Это был мантикор, — сказала Артемиды. — Надеюсь, что на время он уничтожен, но чудовища никогда не умирают по-настоящему. Они вновь и вновь возвращаются, обретая облик, и на них следует охотиться, когда бы они ни вернулись.

— А не то они станут охотиться на нас, — сказала Талия.

Бьянка ди Анджело содрогнулась:

— Это многое объясняет... Нико, помнишь тех дядек, которые пытались напасть на нас прошлым летом в переулке в Вашингтоне?

— И того водителя автобуса, — сказал Нико. — Того, с бараньими рогами. Я же тебе говорил, что это по правде было!

— Потому Гроувер за вами и следил, — сказал я. — Чтобы защитить вас, если вы и впрямь окажетесь полукровками.

— Гроувер? — Бьянка уставилась на него. — А ты полубог?

— Ну, вообще-то я сатир.

Он скинул обувь и продемонстрировал свои козлиные копыта. Я подумал, что Бьянка вот-вот грохнется в обморок.

— Гроувер, надень ботинки, — сказала Талия. — Ты ее перепугал!

— А чего? Копыта у меня чистые!

— Бьянка, — сказал я, — мы приехали, чтобы вам помочь. Вам с Нико нужно учиться, чтобы выжить. Доктор Терн — не последнее чудовище, с которым вы встретитесь. Вам нужно поехать в лагерь.

— В лагерь? — переспросила она.

— В лагерь полукровок, — сказал я. — Это место, где полукровки учатся выживать и так далее. Вы можете присоединиться к нам, жить там круглый год, если захотите.

— Класс! Поехали! — сказал Нико.

— Погодите, — Бьянка потрясла головой. — Я не...

— Есть и другой вариант, — сказала Зоя.

— Никаких других вариантов нет! — заявила Талия.

Талия с Зоей гневно уставились друг на друга. Я не знал, о чем они говорят, но чувствовал, что между ними стоит какая-то неприятная история. Уж не знаю почему, но они друг друга на дух не переносили.

— Мы уже и так взвалили на этих детей достаточно тяжелую ношу, — объявила Артемиды. — Зоя, мы останемся здесь на несколько часов. Разбейте лагерь. Окажите помощь раненым. Заберите из школы имущество наших гостей.

— Слушаюсь, госпожа.

— Идем, Бьянка. Я хотела бы поговорить с тобой.

— А как же я? — спросил Нико.

Артемиде задумчиво смерила мальчика взглядом:

— Ты можешь научить Гроувера играть в ту карточную игру, которой ты так увлекаешься. Уверена, Гроувер будет только рад ненадолго тебя занять... чтобы услужить мне.

Гроувер вскочил так поспешно, что едва не запутался в ногах:

— Еще бы! Идем, Нико!

Нико с Гроувером ушли в лес, разговаривая об очках, хитах, доспехах разного уровня и прочей непонятной ерунде. Артемиде увела растерянную Бьянку вдоль края утеса. Охотницы принялись распаковывать свои рюкзаки и разбивать лагерь.

Зоя еще раз злобно зыркнула на Талию и ушла распоряжаться.

Как только она удалилась, Талия бессильно топнула ногой:

— Ну и наглые же эти Охотницы! Они думают, будто они... Гр-р-р!

— Я с тобой согласен, — сказал я. — Не доверяю я этим...

— Ах, ты со мной согласен?! — напустилась на меня Талия. — А чем ты думал тогда, в спортзале, а, Перси? Решил, что сумеешь в одиночку управиться с доктором Терном? Ты же знал, что он чудовище! Да если бы мы держались вместе, мы могли бы одолеть его, не припугивая к делу Охотниц! И Аннабет, возможно, была бы с нами. Ты об этом подумал?

Я стиснул зубы. В голову мне пришло несколько гадостей, и я бы их, возможно, даже озвучил, но тут я посмотрел себе под ноги и увидел на снегу что-то темно-синее. Бейсболку Аннабет с надписью «Янкиз».

Талия не сказала больше ни слова. Она утерла со щеки слезу, повернулась и ушла, оставив меня одного с затоптанной в снегу бейсболкой.

Охотницам потребовалось всего несколько минут, чтобы раскинуть лагерь. Семь больших палаток, все из серебристого шелка, выстроились полукругом напротив костра. Одна из девочек подула в серебряный собачий свисток, и из леса появился десяток белых волков. Волки принялись обходить лагерь дозором, точно сторожевые псы. Охотницы ходили среди них, угощали вкусненьким и, похоже, совсем их не боялись, но я решил держаться поближе к палаткам. С деревьев за нами следили соколы, их глаза взблескивали в свете костра, и у меня возникло ощущение, что они тоже нас караулят. И казалось, даже погода повиновалась воле богини. Воздух был по-прежнему холодным, но ветер улегся и снег перестал, так что сидеть у костра сделалось почти уютно.

Почти... если бы не боль от раны и не груз вины на моих плечах. Мне все никак не верилось, что Аннабет больше нет. И, как я ни сердился на Талию, меня терзало чувство, что она права. Это все из-за меня.

Что же Аннабет хотела сказать мне тогда, в спортзале? Она говорила, это что-то серьезное. А теперь мне, наверно, никогда этого не узнать... Я подумал о том, как мы танцевали вдвоем целые полпесни, и на сердце сделалось еще тяжелее.

Я смотрел, как Талия расхаживает взад-вперед по снегу на границе лагеря, бесстрашно огибая волков. Она остановилась и посмотрела назад, на Вестовер-Холл — замок виднелся на холме за лесом, теперь совсем темный. Интересно, о чем она думает?

Семь лет назад отец Талии превратил ее в сосну, чтобы спасти от смерти. Она преградила путь целому войску чудовищ на вершине холма Полукровок, чтобы дать своим друзьям, Луке и Аннабет, возможность уйти. Обратное в человека она превратилась всего

несколько месяцев назад и время от времени застывала так неподвижно, что можно было подумать, будто она по-прежнему дерево.

Наконец, одна из Охотниц принесла мне мой рюкзачок. Гроувер с Нико вернулись с прогулки, и Гроувер помог мне перевязать раненую руку.

— Ой, она зеленая! — обрадовался Нико.

— Сиди спокойно, — сказал мне Гроувер. — На, съешь амброзии, пока я прочищу рану.

Я морщился, пока он делал перевязку, но кубик амброзии помог. На вкус она была как домашнее шоколадное печенье. Она таяла во рту, и от нее по всему телу разливалось тепло. Благодаря амброзии и волшебной мази, которую использовал Гроувер, плечу через пару минут сделалось лучше.

Нико рылся в своем рюкзачке, который, по всей видимости, собрали для него Охотницы, хотя как они сумели проникнуть в Вестовер-Холл незамеченными — ума не приложу. Нико разложил на снегу множество фигурок: маленькие изображения воинственных греческих богов и героев. Я узнал Зевса с молниями, Ареса с копьем, Аполлона на его солнечной колеснице.

— Какая большая коллекция! — сказал я.

Нико улыбнулся:

— У меня они почти все, и еще голографические карточки с ними! Ну, кроме нескольких, самых редких.

— Ты уже давно в это играешь?

— Нет, только этот год. А до того... — Он нахмурился.

— Что? — спросил я.

— Забыл... Странно.

Он как будто встревожился, но это быстро прошло.

— Слушай, а можно взглянуть на твой меч, которым ты сражался?

Я показал ему Стремнину и объяснил, как она превращается из ручки в меч, когда снимешь колпачок.

— Круто! А что, чернила в ней не кончаются?

— Ну-у, вообще-то писать я ею ни разу не пробовал...

— А ты что, правда сын Посейдона?

— Ну да...

— Так ты тогда, наверно, классный серфингист?

Я покосился на Гроувера, который изо всех сил старался не заржать.

— Черт, Нико, — сказал я, — знаешь, я вообще-то никогда не пробовал.

Он задавал все новые и новые вопросы: а часто ли я ссорюсь с Талией, раз она дочка Зевса? (На этот вопрос я решил не отвечать.) А если мать Аннабет — Афина, богиня мудрости, чего ж тогда Аннабет так по-дурацки свалилась с утеса? (Я очень постарался не придушить Нико за этот вопрос.) А была ли Аннабет моей девушкой? (Я был уже готов запихнуть Нико в мешок, пропитанный запахом мяса, и бросить его волкам.)

Я уже думал, он вот-вот спросит, а сколько у меня хитов, и тогда-то я не выдержу и сорвусь, но тут ко мне подошла Зоя Ночная Тень:

— Эй, Перси Джексон!

У нее были темно-карие глаза и слегка вздернутый нос. С серебристым обручем в волосах и гордым выражением лица она выглядела так царственно, что я не без труда подавил желание сесть прямее и сказать: «Да, мэм!» Она смотрела на меня довольно

брезгливо, словно я был мешком грязного белья, которое ее попросили отнести в прачечную.

— Идем, — сказала она. — Владычица Артемида желает с тобой поговорить.

Зоя отвела меня к крайней палатке, которая с виду ничем не отличалась от прочих, и взмахом руки велела зайти внутрь. Бьянка ди Анджело сидела рядом с девочкой с каштановыми волосами — у меня все равно в голове не укладывалось, что это и есть Артемида.

Внутри было тепло и уютно. Пол был устелен шелковыми коврами и подушками. В центре без дыма и без топлива горела золотая жаровня. За спиной у богини, на полированной дубовой подставке, стоял ее серебряный лук, выгнутый наподобие рогов газели. Стены были увешаны звериными шкурами: медвежьими, тигриными и другими, которых я не узнавал. Наверно, какого-нибудь защитника животных хватил бы удар при виде шкур этих редких зверей, но, наверно, раз Артемида — богиня охоты, уж она-то сумеет восстановить то, что уничтожила. Мне показалось, что рядом с нею лежит еще одна звериная шкура, но тут я увидел, что это живой зверь: олень с блестящим мехом и серебряными рогами. Он мирно дремал, положив голову на колени Артемиде.

— Заходи, присаживайся, Перси Джексон, — сказала богиня.

Я уселся напротив нее на пол палатки. Богиня посмотрела на меня изучающе. Мне сделалось не по себе. Слишком старые у нее были глаза для такой маленькой девочки.

— Тебя удивляет мой возраст? — спросила она.

— Ну... да, немного.

— Я могу обернуться и взрослой женщиной, и пылающим огнем, и чем угодно, но я предпочитаю выглядеть такой, как сейчас. Это средний возраст моих Охотниц и всех юных дев, которым я покровительствую, прежде чем они собьются с пути истинного.

— Собьются с пути истинного? — переспросил я.

— Повзрослеют. Начнут увлекаться мальчиками. Сделаются глупыми, озабоченными, неуверенными в себе. Забудут себя.

— А-а...

Зоя села по правую руку от Артемиды. Она смотрела на меня так, как будто я лично виноват во всем, о чем только что говорила Артемида, как будто это я выдумал саму идею быть мужчиной.

— Ты уж прости моих Охотниц, если они тебе не рады, — сказала Артемида. — Мы не столь часто принимаем в этом лагере мальчиков. Мальчикам обычно запрещено вступать в какой-либо контакт с Охотницами. Последний, кто видел этот лагерь... — Она взглянула на Зою: — Кто это был?

— Тот парень в Колорадо, — сказала Зоя. — Ты превратила его в рогатого зайца.

— Ах да! — Артемида удовлетворенно кивнула. — Мне нравится создавать рогатых зайцев... Как бы то ни было, Перси, я пригласила тебя сюда, чтобы ты поподробнее поведал мне о мантикоре. Бьянка рассказала мне о некоторых... м-м... тревожащих вещах, которые сказало это чудовище. Но, возможно, она его просто неправильно поняла. Мне хотелось бы услышать об этом от тебя.

И я ей рассказал все как было.

Когда я договорил, Артемида задумчиво положила руку на свой серебряный лук:

— Я боялась, что это и есть ответ.

Зоя подалась вперед:

— Новый след, госпожа?

— Да.

— Что за след? — спросил я.

— Ныне пробуждаются твари, на которых я не охотилась тысячелетиями, — произнесла Артемида. — Дичь столь древняя, что я о ней почти уже забыла.

Она пристально посмотрела на меня:

— Сегодня мы явились сюда, почуяв мантикора, но он был не тот, кого я ищу. Повтори еще раз, что именно сказал тебе доктор Терн?

— Э-э... «Терпеть не могу школьных дискотек».

— Нет-нет! После этого.

— Он сказал, что некто, кого называют «генералом», все мне объяснит.

Зоя побледнела. Она обернулась к Артемиде и начала было что-то говорить, но богиня вскинула руку.

— Продолжай, Перси! — сказала она.

— Ну, потом Терн сказал что-то насчет Великого Возбуждения...

— Пробуждения, — поправила Бьянка.

— Ага. И сказал: «Вскоре среди нас появится самое важное из чудовищ — то, благодаря кому будет повержена твердыня Олимпа».

Богиня сидела так неподвижно, словно превратилась в статую.

— Возможно, он врал, — сказал я.

Артемида покачала головой:

— Нет. Он говорил правду. А я промедлила и не разглядела верных знаков. Мне следует начать охоту на это чудовище.

У Зои был такой вид, словно она изо всех сил старается подавить страх. Но она кивнула:

— Мы тотчас же отправимся в путь, госпожа!

— Нет, Зоя. Это я должна совершить в одиночку.

— Послушай, Артемида!..

— Это дело слишком опасно даже для Охотниц. Ты знаешь, откуда мне придется начать поиски. Ты не сможешь отправиться туда со мной.

— Как... как пожелаешь, госпожа моя.

— Я найду это создание! — пообещала Артемида. — И к зимнему солнцестоянию вернусь на Олимп вместе с ним. Это будет тем доказательством, которое нужно мне, чтобы показать совету богов, какая опасность нам грозит.

— Так вы знаете, что это за чудовище? — спросил я.

Артемида стиснула лук:

— Будем молиться, чтобы я ошиблась!

— А богини разве могут молиться? — спросил я, потому что прежде никогда об этом не задумывался.

На губах Артемиды мелькнула мимолетная улыбка:

— Прежде, чем я уйду, у меня есть небольшое дело для тебя, Перси Джексон.

— Что-то, связанное с превращением в рогатого зайца?

— Увы, нет. Я хочу, чтобы ты проводил Охотниц к вам, в лагерь полукровок. Пусть побудут там в безопасности до моего возвращения.

— Что?! — выпалила Зоя. — Артемида, мы же терпеть не можем этого места! В последний раз, когда мы там были...

— Да-да, знаю, — сказала Артемида. — Но я уверена, что Дионис не держит на нас зла

из-за мелкого... э-э... недопонимания. При необходимости вы можете останавливаться в домике номер восемь, это ваше право. К тому же я слышала, что домики, которые вы спалили, отстроены заново.

Зоя что-то буркнула насчет «дурацких мальчишек из лагеря».

— Ну, и последнее решение, которое следует принять.

Артемиде обернулась к Бьянке:

— Решилась ли ты, девочка моя?

Бьянка замялась:

— Я пока думаю...

— Постойте! — сказал я. — О чем ты думаешь?

— Мне... мне предложили стать одной из Охотниц.

— Как? Ты что? Нельзя! Тебе надо отправиться в лагерь полукровок, чтобы учиться у Хирона! Это для тебя единственный способ выжить.

— Для девочки — не единственный, — сказала Зоя.

Я не верил своим ушам.

— Бьянка, в лагере классно! Там у нас и конюшня с пегасами, и фехтовальная арена, и... ну, то есть какой тебе смысл присоединиться к Охотницам?

— Ну, для начала — бессмертие, — сказала Зоя.

Я уставился на нее, потом на Артемиду:

— Она шутит, да?

— Зоя вообще редко шутит, — сказала Артемиде. — Мои Охотницы сопровождают меня в моих приключениях. Это мои девы-служительницы, мои спутницы, мои сестры по оружию. И после того, как они принесут мне клятву верности, они и в самом деле становятся бессмертны... если только не падут в бою, что маловероятно. Или не нарушат клятву.

— Какую клятву? — спросил я.

— Навеки отречься от любви, — сказала Артемиде. — Никогда не взрослеть, никогда не выходить замуж. Навеки остаться девой.

— Как вы?

Богиня кивнула.

Я попытался представить то, о чем она говорит. Обрести бессмертие. Жить вечно. И не общаться ни с кем, кроме девчонок школьного возраста... Ну, даже и не знаю.

— И вы, значит, бродите по стране, набирая полукровок...

— Не только полукровок, — перебила меня Зоя. — Владычица Артемиде не глядит, кто ты по рождению. Все, кто чтит богиню, могут присоединиться к ней: полукровки, нимфы, смертные...

— А ты тогда кто?

Глаза у Зои гневно сверкнули:

— Это не твоя забота, мальчик! Речь о том, что Бьянка может присоединиться к нам, если захочет. Выбор за ней.

— Бьянка, это же безумие! — сказал я. — А как же твой брат? Нико ведь не возьмут в Охоту!

— Конечно нет, — согласилась Артемиде. — Он отправится в лагерь. Увы, это лучшее, на что годятся мальчишки.

— Эй! — возмутился я.

— Ты сможешь видаться с ним время от времени, — заверила Артемида Бьянку. — Но ты будешь свободна от ответственности. За ним станут присматривать лагерные вожатые. А у тебя будет новая семья — мы.

— Новая семья... — мечтательно повторила Бьянка. — Свобода от ответственности...

— Бьянка, так нельзя! — сказал я. — Это шиза какая-то!

Она посмотрела на Зою:

— Оно стоит того?

Зоя кивнула:

— Да, стоит.

— А что надо делать?

— Повторяй за мной, — сказала ей Зоя. — «Посвящаю себя богине Артемиде».

— П-посвящаю себя богине Артемиде...

— «Навеки отвращаюсь от общества мужей, приемлю вечное девство и вступаю в ряды Охотниц».

Бьянка повторила все дословно.

— И все?

Зоя кивнула.

— Если владычица Артемида примет твой обет, он вступит в силу.

— Я принимаю обет, — сказала Артемида.

Пламя в жаровне ярко полыхнуло, озарив палатку серебряным блеском. На вид Бьянка совсем не изменилась, но она глубоко вздохнула и широко раскрыла глаза:

— Я как будто... стала сильнее!

— Добро пожаловать, сестра, — сказала Зоя.

— Не забывай своего обета, — сказала Артемида. — Теперь это твоя жизнь.

У меня отнялся язык. Я чувствовал себя нежеланным чужаком. И полным неудачником. Мне просто не верилось, что я проделал весь этот путь и столько пережил лишь затем, чтобы лишиться Бьянки, уступив ее какому-то клубу вечных девчонок.

— Не отчаивайся, Перси Джексон, — сказала Артемида. — Ты еще успеешь показать свой лагерь брату и сестре ди Анджело. И Нико может остаться там, если захочет.

— Круто, — сказал я, стараясь, чтобы это не звучало по-хамски. — И как, спрашивается, мы туда доберемся?

Артемида прикрыла глаза.

— Рассвет близок. Зоя, сворачивай лагерь! Вам нужно попасть на Лонг-Айленд быстро и в безопасности. Я попрошу брата доставить вас туда.

Зое эта идея, похоже, пришлась не очень-то по вкусу, но она кивнула и велела Бьянке следовать за ней. Уходя, Бьянка остановилась напротив меня:

— Извини, Перси. Но мне этого хотелось. Очень-очень!

И она ушла, а я остался наедине с двенадцатилетней богиней.

— Так, — угрюмо сказал я. — Значит, ваш брат нас, типа, подвезет?

Серебристые глаза Артемиды блеснули:

— Да, мальчик. Видишь ли, Бьянка ди Анджело не единственная, у кого есть несносный братец. Тебе пришло время познакомиться с моим безответственным близнецом, Аполлоном.

Глава 4

Талия поджигает Новую Англию

Артемида нас заверила, что рассвет близко, но меня не проведешь. На улице было еще более холодно, темно и снежно, чем с вечера. Вестовер-Холл на холме стоял без единого огонька. Интересно, учителя вообще заметили, что ребята ди Анджело и доктор Терн пропали, или нет еще? Мне не хотелось оказаться поблизости к тому времени, как они это обнаружат. С моим-то везением единственное имя, которое запомнит миссис Элмел, будет именно «Перси Джексон», и меня объявят в розыск по всей стране... ну, как всегда.

Охотницы свернули лагерь так же быстро, как и разбили его. Я, дрожа, стоял по колени в снегу (в отличие от Охотниц, которые, похоже, никаких неудобств не испытывали), а Артемида смотрела на восток, как будто чего-то ждала. Бьянка сидела чуть в стороне и разговаривала с Нико. Судя по его угрюмому виду, она объясняла, почему решила стать Охотницей. Я невольно думал о том, как это эгоистично с ее стороны — просто взять и бросить братишку.

Талия с Гроувером подошли и встали ко мне вплотную. Им не терпелось узнать, что произошло во время моей аудиенции у богини.

Когда я им все рассказал, Гроувер побледнел:

— В последний раз, когда Охотницы гостили в лагере, дело кончилось очень плохо!

— Слушайте, а откуда они вообще тут взялись? — поинтересовался я. — Ну, в смысле, они просто взяли и появились.

— И еще Бьянка к ним присоединилась! — с отвращением сказала Талия. — Это все из-за Зои! Эта самодовольная, бестолковая...

— Нет, я ее понимаю! — возразил Гроувер. — Провести целую вечность с Артемидой... — Он завистливо вздохнул.

Талия закатила глаза:

— Эти мне сатиры! Вы все без ума от Артемиды. До вас что, не доходит, что она-то вас никогда любить не будет?

— Но она такая... она так близка к природе! — восторженно произнес Гроувер.

— Да ты совсем ку-ку, — сказала Талия.

— Кукушки... — мечтательно согласился Гроувер. — Птицы... звери...

Наконец небо начало светлеть.

— Наконец-то! — проворчала Артемида. — Зимой он та-ак тормозит!

— Так вы, это, рассвета ждали? — спросил я.

— Ну да, я брата ждала.

Я не хотел показаться невежливым. Ну, то есть я знаю все эти легенды про то, что Аполлон — иногда это Гелиос — гоняет по небу в большой солнечной колеснице. Но знаю я и то, что на самом деле солнце — это звезда и до него дофигиллион километров. Я уже привык к мысли о том, что некоторые греческие мифы — правда, но все равно... Я просто не понимал, как Аполлон может управлять солнцем.

— Это не совсем так, как ты себе представляешь, — сказала Артемида, как будто прочла мои мысли.

— А, это хорошо! — Я несколько успокоился. — Значит, он все-таки не подъедет прямо

сюда на...

Из-за горизонта внезапно вырвался луч света. Повеяло теплом.

— Не смотри, — посоветовала Артемида. — Пока он не припаркуется.

Припаркуется?

Я отвел глаза и увидел, что другие ребята делают то же самое. Свет и тепло все усиливались, пока мне не начало казаться, будто моя зимняя куртка плавится прямо на мне. А потом вдруг свет угас.

Я посмотрел — и глазам своим не поверил. Это же моя машина! Ну, то есть машина, которую мне всегда хотелось. Красный кабриолет Maserati Spyder. Он был такой потрясный, что аж светился. Потом я сообразил, что светится он оттого, что металл раскаленный. Снег вокруг него вытаял ровненьким кружочком. Вот почему я стоял на зеленой траве, и ноги у меня были мокрые.

Водитель, улыбаясь, вышел из машины. На вид ему было лет семнадцать-восемнадцать, и на миг у меня возникло неприятное ощущение, как будто это Лука, мой старый враг. У него были такие же светлые волосы и обаятельная внешность спортивного парня. Но это не был Лука. Этот парень был повыше, и шрама у него не было. И его улыбка выглядела более веселой и жизнерадостной. (Лука-то в последнее время все больше хмурится либо ухмыляется.) Одет водитель «Мазерати» был в джинсы, мокасины и футболку без рукавов.

— Ух ты! — пробормотала Талия. — Аполлон жжет!

— Он же бог солнца, — сказал я.

— Да я не об этом.

— Привет, малышка! — сказал Аполлон. Будь его зубы чуть белее, и его улыбка ослепила бы нас безо всякой солнечной машины. — Что случилось? Ты не звонишь. Не пишешь. Я уж забеспокоился!

Артемида вздохнула:

— Все в порядке, Аполлон. И я тебе не малышка.

— Ну, я же родился первым!

— Мы близнецы! Сколько еще тысяч лет можно спорить...

— Ну, так что стряслось-то? — перебил он. — Девочки, я вижу, с тобой. Вам нужен тренер по стрельбе из лука?

Артемида скрипнула зубами:

— Мне нужна помощь. Я должна отправиться на охоту, одна. Мне нужно, чтобы ты отвез моих спутниц в лагерь полукровок.

— Не вопрос, сеструха!

И он вскинул руки, типа, «молчите все»!

— Я сложил хокку!

Охотницы дружно застонали. Очевидно, они хорошо знали Аполлона.

Он прокашлялся и театрально вытянул руку.

Под снегом — зелень,

Сестра на помощь зовет.

Я молодец!

И он широко улыбнулся, явно ожидая аплодисментов.

— В последней строчке — всего четыре слога, — сказала Артемида.

Аполлон нахмурился:

— Что, правда?

— Да. Как насчет «Какой я хвастливый!»?

— Нет-нет, это будет шесть слогов... Хм...

И он принялся что-то бормотать себе под нос.

Зоя Ночная Тень обернулась к нам:

— Владыка Аполлон сочиняет хокку с тех пор, как побывал в Японии. Но это еще ничего — вот после того, как он побывал в Лимерике, было куда хуже. Если я услышу еще хоть один стишок, начинающийся со слов: «Жили-были богини в Афинах...»

— Придумал! — объявил Аполлон. — «Я неотразим!»! Пять слогов.

Бог поклонился. Он явно был очень доволен собой.

— Ну-с, сестрица! Говоришь, подвезти твоих Охотниц? Ты выбрала удачное время. Я как раз собирался прокатиться.

— И этих полубогов тоже, — сказала Артемида, указав на нас. — Это ребята из лагеря Хирона.

— Без проблем!

Аполлон окинул нас взглядом:

— Посмотрим, посмотрим... Талия, ага? Я про тебя слышал!

Талия покраснела:

— Привет тебе, владыка Аполлон!

— Зевсова дочурка, ага? Мы с тобой, стало быть, сводные брат с сестрой. Это же ты несколько лет простояла деревом? Рад, что ты снова с нами. Терпеть не могу, когда хорошенькие девочки превращаются в деревья. Вот, помню, как-то раз...

— Брат мой, — сказала Артемида, — тебе пора!

— Ах да, конечно!

Тут он взглянул на меня, и глаза у него сузились:

— Перси Джексон?

— Угу. То есть... да, сэр.

Странно было обращаться к этому парнишке «сэр», но я приучился, что с бессмертными надо быть осторожным. Они жутко обидчивые. А когда обижаются, то непременно что-нибудь разносят.

Аполлон пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал. Мне это показалось жутковатым.

— Ну что! — сказал он наконец. — Пора садиться, ага? Я вожу только в одну сторону — на запад. Кто не успел — тот опоздал.

Я посмотрел на «Мазерати». Машина была рассчитана максимум на двоих. А нас было человек двадцать.

— Клевая машина! — сказал Нико.

— Спасибо, мальчик, — сказал Аполлон.

— Но как же мы все туда поместимся?

— Хм... — Аполлон, похоже, только сейчас осознал проблему. — Ну да... Терпеть не могу ездить не на спорткаре, но, видимо... — Он достал ключи от машины и нажал на кнопку сигнализации. Сигнализация пискнула.

На миг машина снова ярко вспыхнула. Когда сияние угасло, вместо «Мазерати» перед

нами стоял автобус, вроде тех, в каких нас возили на межшкольные баскетбольные матчи.

— Ну вот, — сказал он. — Садитесь.

Зоя приказала Охотницам грузиться в автобус. Сама она вскинула на плечи свой рюкзак.

— Эй, цыпочка, — сказал Аполлон, — давай помогу!

Зоя отшатнулась. Глаза у нее свирепо вспыхнули.

— Брат мой, — укоризненно сказала Артемида, — не пытайся помогать моим Охотницам. Не пытайся смотреть на них, разговаривать с ними и флиртовать с ними тоже не пытайся. И «цыпочками» их называть не стоит.

Аполлон развел руками:

— Извини, забыл! Кстати, сеструха, а сама-то ты куда?

— На охоту, — сказала Артемида. — Это не твое дело.

— Я же все равно выясню. Я все вижу. Все знаю.

Артемида фыркнула:

— Просто довези их до места, Аполлон. И не хулигань!

— Да ладно тебе! Когда это я хулиганил?

Артемида закатила глаза, потом взглянула на нас:

— Увидимся во время зимнего солнцестояния. Зоя, ты отвечаешь за Охотниц. Будь умницей. Поступай так, как поступила бы я.

Зоя вытянулась в струнку:

— Хорошо, госпожа!

Артемида опустилась на колени и коснулась земли, словно высматривая следы. Когда она выпрямилась, лицо у нее было встревоженное:

— Так много опасностей! Зверя следует отыскать.

Она бегом бросилась в лес и растаяла среди снега и теней.

Аполлон обернулся, ухмыльнулся и позвенел ключами, надетыми на палец.

— Ну, — сказал он, — кто хочет порулить?

Охотницы загрузились в автобус. Они сгрудились в его задней части, стараясь держаться как можно дальше от Аполлона и нас, парней, как будто мы заразные. Бьянка села с ними, оставив братишку одного среди нас. Мне это показалось бессердечным, но Нико, похоже, не возражал.

— Кле-ево! — сказал Нико, прыгая на водительском сиденье. — Так это и в самом деле солнце? А я думал, что боги солнца и луны — это Гелиос и Селена. А как получилось, что иногда это они, а иногда — вы с Артемидой?

— Сокращение штатов, — объяснил Аполлон. — Все началось с римлян. Они не могли себе позволить все положенные жертвоприношения, поэтому отказались от услуг Гелиоса и Селены и внесли их обязанности в наши должностные инструкции. Сестренке досталась луна. Я получил солнце. Поначалу это сильно доставало, но зато теперь у меня есть эта клевая машина!

— А как она работает? — спросил Нико. — Я думал, солнце — это огромный шар раскаленного газа!

Аполлон хмыкнул и потрепал Нико по голове:

— Эти слухи, видимо, пошли оттого, что Артемида обзывала меня огромным шаром раскаленного газа. Если серьезно, парень, все зависит от того, с какой точки зрения посмотреть: с астрономической или с философской. Ты говоришь об астрономии? Пожалуйста, но какой в этом интерес? Ты говоришь о том, как люди представляют себе

солнце? А вот это куда любопытнее! Солнце несет на себе большую нагрузку... ну, в переносном смысле. Оно согревает людей, растит их урожай, движет машины, и в его присутствии все выглядит... хм... куда более солнечно. Эта повозка, мальчик, создана из человеческих фантазий о солнце. Она такая же древняя, как сама Западная цивилизация. Каждый день она проезжает по небу с востока на запад, озаря существование всех этих ничтожных смертных. Повозка — это зримое воплощение могущества солнца, то, как смертные это воспринимают. Логично?

Нико покачал головой:

— Нет.

— Ну, тогда просто думай о ней как об очень мощной и опасной солнечной машине.

— А можно мне порулить?

— Нет. Ты еще маленький.

— Э-э! Э-э! — тянул руку Гроувер.

— М-м... нет! — сказал Аполлон. — Ты чересчур волосатый!

Его взгляд миновал меня и устремился на Талию.

— Дочь Зевса! — сказал он. — Владыки небес! Отлично.

— Ой, нет! — Талия замотала головой. — Нет, спасибо.

— Да ладно, давай! — сказал Аполлон. — Тебе сколько лет?

Талия замялась:

— Не знаю.

Печально, но это так. Она превратилась в дерево, когда ей было двенадцать — семь лет тому назад. Так что теперь ей, по идее, должно быть девятнадцать, если считать по годам. Но чувствовала она себя по-прежнему на двенадцать, а на вид ей можно было дать что-то среднее. Максимум, до чего додумался Хирон, — это что в облике дерева она по-прежнему выросла, но гораздо медленнее.

Аполлон прижал палец к губам.

— Тебе пятнадцать, почти шестнадцать.

— Откуда вы знаете?

— Слушай, я же бог пророчеств! Я много чего знаю. Тебе стукнет шестнадцать примерно через неделю.

— Так у меня же тогда день рождения! Двадцать второго декабря.

— Ну вот, значит, ты уже достаточно взрослая, чтобы водить машину, если бы у тебя были права.

Талия нервно переступила с ноги на ногу:

— Э-э...

— Я знаю, что ты хочешь сказать! — сказал Аполлон. — Ты, мол, недостойна такой чести: управлять солнечной колесницей.

— Вообще-то я собиралась сказать совсем не это.

— Да ладно, не парься! От Мэна до Лонг-Айленда рукой подать. А насчет того, что случилось с предыдущим парнишкой, которого я учил, ты не тревожься. Ты же дочь Зевса. Тебя-то он молнией не поразит.

И Аполлон добродушно расхохотался. Нас что-то смеяться не тянуло.

Талия пыталась возражать, но Аполлон никаких возражений принимать решительно не собирался. Он нажал на кнопку, и вверху ветрового стекла вспыхнула надпись. Мне пришлось прочесть ее задом наперед (хотя для дислексика что задом наперед, что по-

нормальному — все едино). Я почти уверен, что там было написано: «ОСТОРОЖНО, ЗА РУЛЕМ УЧЕНИК!»

— Валяй! — сказал Аполлон Талии. — Ты должна быть прирожденным водителем.

Честно признаться, мне стало завидно. Я-то не мог дожидаться, пока начну водить машину. Осенью мама пару раз возила меня в Монтаук, когда дорога вдоль моря бывала пустой, и давала мне посидеть за рулем своей «Мазды». Ну, то есть да, одно дело японская малолитражка, а другое — солнечная колесница, но, в конце-то концов, не настолько же они разные?

— Чем быстрее, чем жарче, — подсказал Аполлон. — Так что трогайся помедленней и постарайся набрать высоту прежде, чем разогнаться как следует.

Талия сжимала руль так сильно, что костяшки пальцев у нее побелели. Казалось, будто ее вот-вот стошнит.

— Что-то не так? — спросил я.

— Н-ничего, — ответила она дрожащим голосом. — В-все так...

Она потянула руль на себя. Он наклонился, и машина взмыла вверх так стремительно, что я отлетел назад и ударился обо что-то мягкое.

— Уй-я! — сказал Гроувер.

— Извини.

— Потихе! — сказал Аполлон.

— Простите! — сказала Талия. — Все под контролем!

Я ухитрился подняться на ноги. Выглянув в окно, я увидел на месте поляны, с которой мы стартанули, дымящееся кольцо деревьев.

— Талия, — сказал я, — не дави на газ!

— Я все поняла, Перси, — сказала она, скрипя зубами. Но по-прежнему давила на педаль.

— Спокойнее! — сказал я ей.

— Я спокойна! — ответила Талия. Она была так напряжена, что казалось, будто она фанерная.

— Нам надо чуть южнее, к Лонг-Айленду, — сказал Аполлон. — Сверни-ка налево.

Талия дернула руль, и я снова упал на Гроувера. Гроувер взвыл.

— Налево — в другую сторону, — уточнил Аполлон.

Я посмотрел в окно. Зря я это сделал. Мы летели на той высоте, на какой обычно летают самолеты — так высоко, что небо начало казаться черным.

— Ага... — сказал Аполлон, и у меня возникло ощущение, что он не без труда заставляет себя говорить спокойно. — Пониже, цыпочка. А то у тебя Кейп-Код замерзает.

Талия наклонила руль. Лицо у нее было белым как мел, лоб вспотел. Тут явно что-то было не так. Я еще никогда не видел ее такой.

Автобус накренился, кто-то завизжал. Может, и я. Теперь мы неслись прямо в Атлантический океан на скорости тысяча миль в час. Побережье Новой Англии осталось справа. И в автобусе становилось жарковато.

Аполлона отшвырнуло куда-то к задним сиденьям, но он пробирался вперед, цепляясь за кресла.

— Сядьте за руль! — взмолился Гроувер.

— Не тревожьтесь! — сказал Аполлон. Сам он выглядел весьма встревоженным. — Ей просто надо научиться... О-го-го!

Я увидел то же, что и он. Под нами был маленький новоанглийский городок, занесенный снегом. Точнее, раньше он был занесен снегом. Сейчас снег на деревьях, на крышах и на газонах таял прямо на глазах. Белый церковный шпиль побурел и задымился. Над всем городом там и сям поднимались струйки дыма — точно свечки на праздничном торте. Деревья и крыши начинали гореть.

— Вверх! — завопил я.

Глаза у Талии светились безумием. Она дернула руль на себя, и на этот раз я успел за что-то ухватиться. Поднимаясь, я видел через заднее стекло, как пожары в городке гаснут под внезапно налетевшим порывом холодного ветра.

— Нам туда! — показал Аполлон. — Лонг-Айленд прямо по курсу. Давай, милая, тормози потихоньку.

Талия неслась вдоль побережья Северного Лонг-Айленда. Впереди показался лагерь полукровок: долина, леса, пляж... Я видел обеденный павильон, домики и амфитеатр.

— Все под контролем... — твердила Талия. — Все под контролем...

Нам оставалось несколько сотен ярдов.

— Тормози, — сказал Аполлон.

— У меня все получится...

— Тормози!!!

Талия с размаху нажала на тормоз, и солнечный автобус устремился вниз под углом сорок пять градусов и с жутким шипением рухнул в наш пруд. В воздух поднялись клубы пара, несколько перепуганных наяд выскочили на берег, волоча недоплетенные корзинки.

Автобус всплыл на поверхность вместе с парой опрокинувшихся, полурасплавленных каное.

— Ну вот, — сказал Аполлон, мужественно улыбаясь. — Ты была права, дорогая. У тебя все получилось! Давай посмотрим, не ошпарили ли мы кого-нибудь ценного, ладно?

Глава 5

Я на связи с морским дном

Я никогда прежде не бывал в лагере полукровок зимой и удивился, увидев снег.

Понимаете, климат в лагере контролируется с помощью магии. Ничто не может миновать границы лагеря против воли директора, мистера Ди. Я думал, тут будет тепло и солнечно, но нет — падал легкий снежок. На ипподроме и клубничных плантациях лежал иней. Домики были украшены мерцающими огоньками, похожими на рождественские гирлянды, только это были не лампочки, а крохотные огненные шары. В лесу тоже светились огни, а самое странное, что огонь горел в окне чердака Большого Дома, где обитал наш оракул, заточенный в теле старой мумии. Может, Дельфийский дух там шашлыки жарит?

— Ух ты! — сказал Нико, выбираясь из автобуса. — А это что, скалодром?

— Ага, — сказал я.

— А почему по нему лава течет?

— Для интересу. Пошли. Познакомлю тебя с Хироном. Зоя, ты уже встречалась с...

— Да, с Хироном я знакома, — напряженно ответила Зоя. — Скажи ему, что мы будем в восьмом домике. Охотницы, за мной!

— Давайте я вас провожу, — предложил Гроувер.

— Мы знаем дорогу.

— Да ладно, мне ж не сложно! Тут просто легко заблудиться, если не...

Гроувер споткнулся о каноэ, упал и поднялся, не переставая говорить:

— ...как говаривал мой папаша, старый козел. Пошли!

Зоя закатила глаза, но, видимо, сообразила, что от Гроувера ей не отделаться. Охотницы вскинули на плечи свои рюкзаки, подхватили луки и направились к домикам. Бьянка ди Анджело, перед тем как уйти, наклонилась к брату и что-то шепнула ему на ухо. Она посмотрела на него, ожидая ответа, но Нико только насупился и отвернулся.

— Осторожнее, цыпочки! — крикнул Аполлон вслед Охотницам. Он подмигнул мне: — Берегись пророчеств, Перси. До скорого!

— Что вы имеете в виду?

Но он не ответил и запрыгнул в автобус.

— Пока, Талия! — крикнул он. — И, это... всего хорошего!

И лукаво улыбнулся ей, как будто знал что-то, чего она не знала. Потом закрыл двери и завел мотор. Я отвернулся, когда солнечная колесница взмыла в небеса, пахнув жаром. Когда я снова посмотрел на озеро, от него валил пар. Красный «Мазерати» парил над лесом, сияя все ярче и поднимаясь все выше, пока не исчез в солнечном сиянии.

Нико все еще выглядел сердитым. Интересно, что такое сказала ему сестра?

— Кто такой Хирон? — спросил он. — Его фигурки у меня нет.

— Наш исполнительный директор, — сказал я. — Он... ну, увидишь.

— Раз этим девчонкам-Охотницам он не нравится, значит, он нормальный мужик! — буркнул Нико. — Пошли.

Второе, что удивило меня в лагере, — это то, как там пусто. Ну, то есть я знал, что большинство полукровок приезжают только на лето. Сейчас тут должны были остаться только круглогодичники — те, у кого нет дома, куда можно вернуться, или те, на кого будут

слишком часто нападать чудовища, если они покинут лагерь. Но даже их тут, похоже, было совсем немного.

Я увидел Чарльза Бекендорфа из домика Гефеста. Бекендорф разжигал горн рядом с лагерьной оружейней. Братья Стоул, Тревис и Коннор из домика Гермеса ковырялись в замке нашей лавки. На опушке несколько ребят из домика Ареса играли в снежки с лесными нимфами. Вот, собственно, и все. Даже моей старой соперницы, Клариссы из домика Ареса, не было видно.

Большой Дом был украшен гирляндами красных и желтых огненных шариков, которые обогревали крыльцо, но при этом ничего не поджигали. Внутри в очаге трещало пламя. Пахло горячим шоколадом. В комнате отдыха мистер Ди, директор лагеря, тихо играл в карты с Хироном.

Каштановая борода Хирона на зиму сделалась длиннее и гуще. Курчавые волосы тоже отросли. В этом году он не изображал школьного учителя и, видимо, мог себе позволить ходить, как ему удобно. На нем был пушистый свитер с узором в виде следов от копыт, а на коленях у него лежало одеяло, под которым инвалидной коляски было почти не видно.

Увидев нас, он улыбнулся:

— Перси! Талия! Ага, а это, наверное...

— Нико ди Анджело, — сказал я. — Они с сестрой — полукровки.

Хирон вздохнул с облегчением:

— Значит, все прошло успешно!

— Ну...

Его улыбка растаяла:

— Что случилось? И где Аннабет?

— Ужас какой! — сказал мистер Ди скучающим голосом. — Еще одна потеря...

Я старался не обращать внимания на мистера Ди, но его трудно было не заметить: на нем был теплый тренировочный костюм, неоново-оражевый, леопардовой расцветки, и фиолетовые беговые кроссовки (можно подумать, что мистер Ди хоть раз за всю свою бессмертную жизнь занимался бегом!). На кудрявых черных волосах красовался золотой лавровый венок, сдвинутый набекрень. Видимо, это означало, что он выиграл последнюю партию в карты.

— Что вы имеете в виду? — спросила Талия. — Кого мы еще потеряли?

И тут в комнату вбежал Гроувер, ухмыляясь, как придурок. Глаз у него был подбит, а на щеках багровели полосы, смахивающие на след от пощечины.

— Охотницы благополучно заселились!

Хирон нахмурился:

— Вот как? Охотницы? Я вижу, нам есть что обсудить!

Он взглянул на Нико:

— Гроувер, отведи-ка ты нашего юного друга в кабинет и покажи ему наш учебный ролик.

— Но... Ага, ладно. Хорошо, сэр.

— Учебный ролик? — переспросил Нико. — А он для какого возраста? Для любого или с ограничениями? Потому что Бьянка мне не разрешает...

— Для детей старше тринадцати лет, — ответил Гроувер.

— Круто! — И Нико охотно последовал за ним.

— Ну вот, — сказал Хирон нам с Талией. — А теперь садитесь-ка и расскажите нам все

как было.

Когда мы закончили рассказывать, Хирон обернулся к мистеру Ди:

— Нужно немедленно начать поиски Аннабет!

— Я пойду! — в один голос сказали мы с Талией.

Мистер Ди фыркнул:

— Еще не хватало!

Мы с Талией принялись было возмущаться, но мистер Ди вскинул руку. Глаза у него горели тем грозным фиолетовым огоньком, который обычно означал, что, если мы немедленно не заткнемся, на нас обрушится божественный гнев.

— Судя по тому, что вы мне говорили, — сказал мистер Ди, — нам и предыдущая выходка обошлась слишком дорого. Мы уже лишились Анни Белл... к сожалению...

— Аннабет! — резко перебил я. Она жила в лагере с семи лет, а мистер Ди до сих пор делал вид, будто не помнит ее имени.

— Да-да, — сказал мистер Ди. — И вместо нее вы раздобыли маленького надоедливую мальчонку. Так что я не вижу смысла рисковать другими полукровками в ходе дурацкой спасательной экспедиции. Велика вероятность, что эта девочка, Анни, уже мертва.

Мне захотелось его придушить. Все-таки ужасно несправедливо, что Зевс отправил его на сотню лет лечиться от пьянства директором к нам в лагерь. Это было задумано как наказание за дурное поведение мистера Ди на Олимпе, но в конце концов оно превратилось в наказание для всех нас.

— Может быть, Аннабет еще жива, — сказал Хирон. Но я видел, что ему нелегко сохранять оптимизм. Он практически вырастил Аннабет за все эти годы, что она круглый год жила в лагере, пока не решила еще раз попытаться жить с отцом и мачехой. — Она же у нас умница. Если... если ее схватили наши враги, она попытается выиграть время. Возможно, даже сделает вид, будто согласилась сотрудничать...

— Это верно, — сказала Талия. — Лука захочет получить ее живой.

— Ну, в таком случае, — сказал мистер Ди, — боюсь, ей придется организовать побег собственными силами.

Я встал из-за стола.

— Перси! — многозначительно сказал Хирон. В глубине души я и сам знал, что мистер Ди — не из тех, с кем стоит ссориться. Он тебе спуска не даст, даже если ты импульсивный мальчишка с СДВГ, вроде меня. Но я так разозлился, что мне было на все плевать.

— Да вы только рады, что еще одного из нас не стало! — сказал я. — Вы бы вообще предпочли, чтобы мы все исчезли!

Мистер Ди подавил зевок.

— Ты что-то хотел сказать?

— Да! — рявкнул я. — Если вас отправили сюда в наказание, это еще не значит, что вы должны себя вести как ленивый идиот! Это и ваша цивилизация тоже. Может быть, вы могли бы, для разнообразия, чем-то помочь!

На миг воцарилась тишина, нарушаемая только треском пламени. Пламя отражалось в глазах мистера Ди, придавая ему зловещий вид. Он открыл было рот, чтобы что-то произнести — вероятно, проклятие, которое должно было разнести меня в пыль, — и тут в комнату ворвался Нико, а следом за ним — Гроувер.

— Круто! — вскричал Нико, протягивая руки к Хирону. — Так вы... вы кентавр!

Хирон выдавил нервную улыбку:

— Да, мистер ди Анджело, с вашего разрешения. Хотя во время... э-э... первого знакомства я предпочитаю выглядеть как человек, почему и пользуюсь этой инвалидной коляской.

— А вы — ого! — Нико перевел взгляд на мистера Ди: — Вы — тот пьянчуга? Фигассе! Мистер Ди отвел взгляд от меня и с отвращением посмотрел на Нико:

— «Пьянчуга»?

— Ну, Дионис же, да? Ух ты-и! У меня есть ваша фигурка!

— Моя фигурка?..

— Ну, в игре «Мифы и магия»! И голографическая карточка тоже! У вас, конечно, сила атаки всего пятьсот очков, и все считают, что вы самый отстойный из богов, но, по-моему, у вас здоровские способности!

— А-а... — Похоже, мистер Ди был всерьез озадачен. Вероятно, это спасло мне жизнь. — Ну-у... я польщен.

— Перси, — поспешно сказал Хирон, — пожалуй, вам с Талией стоит пойти к домикам. Предупредите ребят, что завтра вечером мы играем в захват флага.

— Захват флага? — переспросил я. — Но у нас же слишком мало...

— Это традиция, — сказал Хирон. — Товарищеский матч, который проводится каждый раз, как у нас бывают Охотницы.

— Ага, — буркнула Талия. — Товарищеский-претоварищеский!

Хирон дернул головой в сторону мистера Ди, который все еще хмурился, пока Нико взахлеб рассказывал, сколько очков защиты у каждого из богов в этой его игре.

— Бегите, бегите! — сказал Хирон.

— Ладно, ладно, — сказала Талия. — Идем, Перси!

И она утщила меня из Большого Дома прежде, чем Дионис вспомнил, что хотел меня убить.

— С Аресом ты уже поссорился, — напомнила Талия по дороге к домикам. — Тебе так нужен еще один бессмертный враг?

Она была права. Еще в первое лето в лагере я вступил в бой с Аресом, и теперь он и все его дети хотели меня убить. Не стоило злить еще и Диониса.

— Извини, — сказал я. — Просто не сдержался. Это все так несправедливо!

Она остановилась у оружейной и посмотрела на другой конец долины, в сторону холма Полукровок. Ее сосна по-прежнему росла там, и на нижнем суку сверкало золотое руно. Магия дерева по-прежнему оберегала границы лагеря, но уже не использовала для этого дух Талии.

— Жизнь вообще несправедлива, Перси, — буркнула Талия. — Иногда я жалею, что... — Она не договорила, но голос у нее был таким грустным, что мне стало ее жаль. С растрепанными черными волосами, в черной панковской одежде, закутанная в старое драповое пальто, она походила на громадного ворона, совершенно неуместного на фоне белого пейзажа.

— Мы вернем Аннабет, — пообещал я. — Я просто пока не знаю как.

— Сперва я узнала, что мы потеряли Луку, — сказала она. — А теперь вот и Аннабет...

— Не думай об этом.

— Ты прав. — Она расправила плечи. — Мы что-нибудь придумаем!

На баскетбольной площадке несколько Охотниц кидали мячики в кольцо. Одна из них о чем-то спорила с парнем из домика Ареса. Сын Ареса положил руку на эфес меча, и

девочка-Охотница выглядела так, словно вот-вот сменит мячик на лук и стрелы.

— Пойду разведу их, — сказала Талия. — А ты обойди домики. Предупреди всех насчет завтрашнего захвата флага.

— Ладно. Капитаном будешь ты.

— Нет-нет, — сказала Талия. — Ты же в лагере дольше меня. Тебе и быть капитаном.

— Ну-у, мы можем, типа... разделить капитанство или вроде того...

Ей эта идея, похоже, нравилась не больше, чем мне, но она кивнула.

Когда она повернула к площадке, я сказал:

— Эй, Талия!

— Чего?

— Извини за то, что произошло в Вестовере. Мне действительно следовало вас подождать.

— Да ладно, Перси. Наверно, я на твоём месте поступила бы так же.

Она переминалась с ноги на ногу, словно хотела добавить что-то ещё и не могла решиться.

— Знаешь, ты тогда спросил про мою маму, а я на тебя вроде как огрызнулась. Я просто... я вернулась, чтобы её найти, семь лет спустя, и узнала, что она умерла в Лос-Анджелесе. Она, это... в общем, пила она сильно и, видимо, куда-то ехала поздно ночью года два тому назад, и... — Талия отчаянно заморгала.

— Извини.

— Ага, ну да. Просто... не то чтобы мы были особо близки. Я сбежала, когда мне было десять. И лучшие два года своей жизни я провела, скитаясь с Лукой и Аннабет. Но все равно...

— Так вот почему у тебя были сложности с солнечным автобусом...

Она опасливо взглянула на меня:

— Ты что имеешь в виду?

— Ну, ты так напряглась... Ты, наверно, думала про свою маму, и тебе не хотелось садиться за руль.

Лучше бы я ничего не говорил. Талия сделалась угрожающе похожей на Зевса — в тот единственный раз, когда я видел Зевса в гневе: как будто её глаза в любой момент готовы были выпустить молнию в миллион вольт.

— Ага, — буркнула она. — Ага, наверное, дело в этом... — И рысцой побежала в сторону площадки, где сын Ареса и Охотница пытались пришибить друг друга мечом и мячом.

Домики выглядели самой странной группой зданий, какую только можно представить. Большие, с белыми колоннами здания Зевса и Геры — домики номер один и номер два — стояли посередине. Слева — пять домиков богов, справа — пять домиков богинь, так что все вместе образовывало букву «П» вокруг центральной лужайки и кострища для барбекю.

Я стал обходить домики и предупреждать всех о захвате флага. В домике Ареса я разбудил какого-то парня, который лег отдохнуть после обеда, и он заорал, чтобы я валил отсюда. Когда я спросил, где Кларисса, он ответил:

— Отправилась в поход по поручению Хирона. Секретная миссия!

— С ней все в порядке?

— Про нее уже месяц ничего не слышно. Она считается пропавшей без вести. И с тобой случится то же самое, если ты не уберешься!

Я решил, что лучше не мешать ему спать.

В конце концов я добрался до третьего домика, домика Посейдона. Это было приземистое серое строение из морского камня с отпечатками ракушек и окаменевших кораллов. Внутри было пусто, как всегда, везде, кроме моей койки. На стене рядом с моей подушкой висел рог Минотавра.

Я достал из рюкзака бейсболку Аннабет и положил ее на свою тумбочку. Отдам Аннабет, когда найду ее. А я ее найду!

Я снял с руки часы и привел в действие щит. Он громко скрипел, разворачиваясь. Шипы доктора Терна оставили в бронзе десяток дыр. Одна пробоина не давала щиту раскрыться до конца, так что он выглядел как пицца с двумя вырезанными ломтями. Красивые изображения на металле, созданные моим братом, все помялись. То изображение, на котором мы с Аннабет сражались с гидрой, выглядело так, словно в него угодил метеорит, оставивший кратер на месте моей головы. Я повесил щит на крюк рядом с рогом Минотавра, но теперь на него было жалко смотреть. Может, Бекендорф из домика Гефеста мне его починит? Бекендорф был лучшим оружейником в лагере. Спрошу у него за ужином...

Я смотрел на щит, как вдруг уловил странный звук — журчание воды — и осознал, что в комнате появилось кое-что новенькое. В глубине домика стояла большая раковина из серого морского камня, с высеченной из камня рыбьей головой. Из рта рыбы била струя воды — соленой морской воды, падающей в наполненную раковину. Вода, похоже, была горячая, потому что в холодном зимнем воздухе от нее валил пар, как в сауне. От этого в комнате делалось тепло, как летом, и пахло морем.

Я подошел поближе к раковине. Там не было ни записки, ничего, но я знал, что это может быть только подарок от Посейдона.

Я посмотрел в воду и сказал:

— Спасибо, пап.

Поверхность воды подернулась рябью. На дне фонтанчика замерцали монетки — около десяти золотых драхм. И я сообразил, для чего этот фонтанчик. Он был как напоминание, чтобы я не терял связи с семьей.

Я otvorил ближайшее окно, и луч зимнего солнца образовал радугу в клубах пара. Потом я выудил из горячей воды монету.

— О Ирида, богиня радуги! — сказал я. — Прими мое приношение!

Я бросил монету в туман, и она исчезла. Я только тут сообразил, что не знаю, с кем связаться сначала.

С мамой? «Хороший мальчик» так бы и поступил, но она обо мне пока еще не тревожится. Она привыкла, что я исчезаю на несколько дней, а то и недель.

С отцом? Я уже давным-давно с ним не разговаривал — почти два года. Но можно ли отправить послание Ириды богу? Я никогда не пробовал. А вдруг они на такое злятся, как будто это какой-нибудь телефонный спам или вроде того?

Я поколебался-поколебался и наконец принял решение.

— Покажи мне Тайсона, — попросил я. — В кузницах циклопов.

Туман замерцал, и появилось изображение моего сводного брата. Тайсон был охвачен пламенем — это было бы нехорошо, не будь он циклопом. Он стоял, склонившись над наковальней, и бил молотом по раскаленному докрасна клинку меча. Искры летели во все стороны, языки пламени лизали его тело. За спиной у него виднелось окно в мраморной раме, и за окном была густо-синяя вода — океанское дно.

— Тайсон! — завопил я.

Поначалу он меня не услышал за грохотом молота и ревом пламени.

— Тай-сон!!!

Он обернулся, его единственный огромный глаз расширился. Лицо расплылось в кривоzubой улыбке:

— Перси!

Он выронил клинок и бросился ко мне, пытаясь меня обнять. Изображение расплылось, и я машинально отшатнулся.

— Тайсон, это же послание Ириды! На самом деле меня здесь нет.

— У-у... — Тайсон снова обрел четкость. Он выглядел смущенным. — А-а... Ну да, я понял. Да.

— Ты как там? — спросил я. — Как работа?

Его глаз радостно вспыхнул:

— Чудесная работа! Вот, гляди! — Он схватил раскаленный меч голыми руками. — Это я сам сделал!

— Да, здорово!

— Я и имя свое на нем написал! Вот тут.

— Потрясающе. Слушай, ты с папой часто общаешься?

Тайсон сник:

— Редко. Папочка очень занят. Он беспокоится из-за войны.

— То есть? Что ты имеешь в виду?

Тайсон вздохнул. Он высунул клинок за окно. Вокруг клинка вода сразу вскипела и образовалось облако пузырей. Когда Тайсон втянул меч в комнату, металл уже остыл.

— Древние морские духи воду мутят. Океан, Эгей... Все вот эти.

Я более или менее понимал, о чем речь. Тайсон имел в виду бессмертных, которые правили океанами прежде, во дни титанов. До того, как к власти пришли олимпийцы. И то, что теперь они вернулись, учитывая, что Кронос, владыка титанов, и его сторонники набирают силу, было очень нехорошо.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил я.

Тайсон печально покачал головой:

— Мы русалок вооружаем. До завтра надо изготовить еще тысячу мечей.

Он взглянул на свой клинок и вздохнул:

— Древние духи защищают плохой кораблик.

— «Царевну Андромеду»? — спросил я. — Корабль Луки?

— Да. Они сделали так, что его трудно найти. Защищают его от папочкиных бурь. Иначе папа давно бы его сломал.

— Да, сломать его было бы неплохо...

Тайсон воспрянул, как будто ему в голову пришла новая мысль:

— Аннабет! Аннабет с тобой?

— Ну... э-э...

Сердце у меня сделалось тяжелым, как шар для боулинга. Тайсон любил Аннабет больше всего на свете, если не считать арахисового масла (а арахисовое масло он очень любил!). У меня не хватало духу сказать ему, что Аннабет пропала. Он же сейчас так расплачется, что, того гляди, потушит свой горн.

— Ну... нет, прямо сейчас ее тут нет.

— Ну, привет ей передавай! — Тайсон буквально сиял. — Привет, Аннабет!

— Ладно... — Я сглотнул, пытаюсь избавиться от комка в горле. — Передам.

— И насчет плохого кораблика ты не беспокойся, Перси! Он уплывает.

— Что ты имеешь в виду?

— В Панамский канал! Это очень, очень далеко.

Я нахмурился. Зачем бы Луке гонять свой лайнер, кишасий демонами, в этакую даль? Последний раз, когда мы его видели, он курсировал вдоль восточного побережья Соединенных Штатов, вербуя полукровок и натаскивая свое чудовищное войско.

— Хорошо, — сказал я, хотя меня эти новости совсем не успокоили. — Это... хорошо. Я надеюсь.

Из глубины кузницы низкий голос что-то рявкнул, что именно — я не разобрал. Тайсон вздрогнул:

— Ой, мне пора за работу! Шеф рассердится. Удачи, брат!

— Ладно, ты скажи папе, что...

Но не успел я договорить, как видение замерцало и растаяло. Я снова остался один у себя в домике, чувствуя себя еще более одиноким, чем прежде.

В тот вечер за ужином я чувствовал себя довольно несчастным.

Ну, то есть кормили-то нас превосходно, как и всегда. Барбекю, пиццу и никогда не пустеющие кубки с газировкой ничем не испортишь. Благодаря факелам и жаровням в открытом павильоне было тепло, но нам полагалось сидеть вместе с товарищами по домику, а это означало, что я был один за столом Посейдона. Талия тоже сидела одна за столом Зевса, но сесть рядом нам было нельзя. Такие уж правила в лагере. Ну, по крайней мере, за столами Гефеста, Ареса и Гермеса было довольно многолюдно. Нико сидел рядом с братьями Стоул, потому что новички всегда попадают в домик Гермеса, если неизвестно, кто из олимпийцев был их родителем. Братья Стоул, похоже, пытались убедить Нико, что покер куда круче «Мифов и магии». Я понадеялся, что у Нико нет денег и проигрывать ему нечего.

Единственный стол, за которым, похоже, было действительно весело, — это стол Артемиды. Охотницы пили, ели и хохотали, как большая счастливая семья. Зоя сидела во главе стола, как мама. Она не смеялась так часто, как остальные, но тоже улыбалась время от времени. Серебряный обруч предводительницы сверкал в ее темных волосах. Я подумал, что она гораздо приятнее, когда улыбается. Бьянка ди Анджело, похоже, веселилась вовсю. Она пыталась научиться армрестлингу у крупной девочки, которая сцепилась с парнем из домика Ареса давеча на площадке. Старшая девочка одолевала Бьянку раз за разом, но Бьянка, похоже, была не против.

Когда мы поели, Хирон произнес обычный тост во славу богов и официально поприветствовал Охотниц Артемиды. Аплодисменты вышли не очень-то бурными. Потом Хирон объявил, что завтра вечером состоится «товарищеская игра» по захвату флага, — эту новость приняли куда лучше.

А потом мы все разбрелись по своим домикам — зимой отбой был раньше обычного. Я был вымотан донельзя, поэтому заснул легко. Это хорошо. Плохо то, что мне приснился кошмар. Мне часто снятся кошмары, но это было чересчур даже для меня.

Аннабет брела по темному склону горы, окутанной туманом. Место было похоже на подземный мир, потому что я сразу ощутил прилив клаустрофобии, и неба над головой видно не было — только душная, тяжкая тьма, как будто я в пещере.

Аннабет карабкалась вверх по склону. Вокруг были разбросаны древние, разрушенные

греческие колонны из черного мрамора, как будто кто-то разнес вдребезги огромное здание.

— Терн! — звала Аннабет. — Где вы? Зачем вы принесли меня сюда?

Она перебралась через кусок поваленной стены и очутилась на вершине горы. И ахнула. Там был Лука. И он страдал.

Он корчился на камнях, пытаясь подняться. Тьма вокруг него, казалось, была гуще, туман тянул к нему жадные щупальца. Одежда на Луке была изорвана, лицо в ссадинах и в поту.

— Аннабет! — вскричал он. — Помоги мне! Пожалуйста!

Она бросилась вперед.

Я пытался вскрикнуть: «Он предатель! Не верь ему!»

Но во сне голос меня не слушался.

В глазах у Аннабет стояли слезы. Она протянула руку, как будто хотела дотронуться до лица Луки, но в последний миг замешкалась.

— Что случилось? — спросила она.

— Они бросили меня тут! — простонал Лука. — Умоляю! Я сейчас умру!

Я не мог понять, что с ним происходит. Казалось, он борется с каким-то невидимым проклятием, как будто этот туман его душит.

— Но почему я должна тебе верить? — спросила Аннабет. Голос у нее звучал обиженно.

— У тебя нет причин мне верить, — сказал Лука. — Я поступил с тобой ужасно. Но если ты мне не поможешь, я умру.

«Да и пусть умирает!» — хотелось завопить мне. Сколько раз Лука пытался хладнокровно убить нас всех? Не заслуживает он помощи Аннабет!

И тут темнота над Лукой начала рушиться, точно потолок пещеры во время землетрясения. Огромные обломки черных скал посыпались вниз. Аннабет ринулась вперед как раз в тот момент, когда появилась трещина и весь потолок провалился. Она каким-то чудом удержала его — все эти тонны камня. Она не давала ему упасть на себя и на Луку исключительно своей собственной силой. Это было невозможно. Она просто не могла этого сделать!

Лука, задыхаясь, откатился в сторону.

— Спасибо! — выдавил он.

— Помоги мне его держать! — простонала Аннабет.

Лука перевел дух. Лицо у него было перемазано грязью и потом. Он, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Я знал, что на тебя можно рассчитывать.

И пошел прочь — а дрожащая чернота тем временем грозила раздавить Аннабет.

— Помоги же!!! — взмолилась она.

— Не тревожься, — сказал Лука. — Помощь уже на подходе. Все идет по плану. Ну а пока постарайся не умереть.

Потолок из тьмы снова принялся опускаться, пригибая Аннабет к земле.

Я рывком сел в кровати, судорожно цепляясь за одеяло. В домике не было слышно ни звука, кроме журчания воды в фонтанчике. Судя по часам на тумбочке, время было немного за полночь.

Всего лишь сон. Но в двух вещах я был уверен. Во-первых, Аннабет грозит страшная опасность. Во-вторых, это из-за Луки.

Глава 6

Старый мертвый друг приходит в гости

На следующее утро, после завтрака, я рассказал Гроуверу про свой сон. Мы сидели на лугу и смотрели, как сатиры гоняются по снегу за лесными нимфами. Нимфы обещали сатирам поцеловать их, если те их догонят, но сатирам это удавалось редко. Обычно нимфа дожидалась, пока сатир как следует разгонится, а потом оборачивалась заснеженным деревом, и бедный сатир с размаху врезался в ствол, а на голову ему сваливалась куча снега.

Когда я рассказал Гроуверу свой кошмар, он принялся наматывать на палец лохматую шерсть у себя на ноге.

— Говоришь, на нее потолок пещеры обрушился? — переспросил он.

— Ага. Что это вообще за фигня такая?

Гроувер покачал головой.

— Не знаю. Но после того, что приснилось Зое...

— Эгей! Что ты имеешь в виду? Зое тоже снилось что-то похожее?

— Я... я точно не знаю. Часа в три ночи она пришла в Большой Дом и потребовала Хирона. Она выглядела очень перепуганной.

— Постой, а ты откуда знаешь?

Гроувер покраснел:

— Я вроде как ночевал рядом с домиком Артемиды.

— Зачем?

— Ну, просто, знаешь, чтобы быть рядом с ними.

— Ах ты, хлыщ парнокопытный!

— Я не хлыщ! В общем, короче, я пошел следом за ней к Большому Дому, спрятался в кустах и все видел. Она всерьез рассердилась, когда Аргус не хотел ее пускать. Зрелище было жутковатое.

Еще бы! Аргус отвечал за охрану лагеря — это был белокурый здоровяк с глазами по всему телу. Он редко показывался, разве что происходило что-то действительно серьезное. Но если он сцепится с Зоей Ночной Тенью, я бы ставки делать не рискнул.

— И что она говорила?

Гроувер поморщился:

— Ну, она, когда сердится, всегда начинает изъясняться жутко старомодно. В общем, я далеко не все понял. Но что-то насчет того, что Артемида в беде, и ей нужны ее Охотницы. А потом она обозвала Аргуса дубинноголовым остолопом... По-моему, это что-то плохое. А он ее назвал...

— Эй, погоди! Как это Артемида могла попасть в беду?

— Я... ну, в конце концов, вышел Хирон в пижаме и с бигудями на хвосте и...

— Он накручивает хвост на бигуди?!

Гроувер испуганно зажал себе рот.

— Извини, — сказал я. — Рассказывай дальше.

— Ну, Зоя сказала, что ей нужно разрешение немедленно покинуть лагерь. Хирон отказал. Он напомнил Зое, что Охотницам приказано оставаться здесь, пока они не получат приказ от Артемиды. А она...

Гроувер сглотнул.

— Она сказала: «Как же мы получим приказ от Артемиды, коли Артемида в нетях?»

— Что значит «в нетях»? Заблудилась, что ли?

— Нет. По-моему, Зоя имела в виду, что она исчезла. Попала в плен. Похищена.

— Похищена? — Я попытался уложить эту мысль у себя в голове. — Но как можно похитить бессмертную богиню? Разве такое возможно?

— Ну да, вообще-то. В смысле, Персефону же похитили.

[Купить полную версию книги](#)